

Вита Сахалинская

Ангел и Жизнь

18+

Вита Сахалинская

Ангел и Жизнь

<https://litres.ru/74129097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о тоске, которая не знает расстояний. Между уральским посёлком Пышма и островом Сахалин — пять тысяч километров, но одна пустота на двоих. Он и она не знают друг друга, но каждую ночь просыпаются от того, что их ладони пусты. Магический реализм, метафоры и дыхание океана — для тех, кто верит, что души помнят друг друга до встречи.

Содержание

Глава 1. Разлом.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Вита Сахалинская

Ангел и Жизнь

Глава 1. Разлом.

Глава 1. Разлом.

Это случилось до того, как первые камни научились поминить тепло. До того, как вода узнала, что такое берег. До того, как время стало измерять себя само собой, деля ночи на дни, а дни — на годы. Они были одним целым. Не сердцем — потому что сердце бьётся, а они не бились, они просто были. Не мыслью — потому что мысль рождается и умирает, а они не рождались и не умирали, они существовали, как тишина между двумя нотами, без которой музыка была бы просто набором звуков. Они были пространством между вдохом и выдохом — тем самым мгновением, когда лёгкие уже наполнились воздухом, но ещё не начали его отдавать, когда мир замирает на долю секунды, прежде чем сделать следующий шаг. Но вселенная, которая дышала ими, вдруг испугалась. Она испугалась полноты. Потому что полное не может двигаться. Полное не может расти. Полное не может становиться. Оно уже есть. Оно уже всё. Оно уже закончено. А вселенная хотела быть бесконечной. Она хотела течь. Она хотела узнать, каково это — тосковать. Потому что только

тоскующий может двигаться. Только ищущий может расти. Только разделённый может стремиться к воссоединению, а значит — создавать. И она расколола их. Не как топор раскалывает дерево — потому что топор оставляет шрам, а здесь не было боли, было только разделение, как разделение капли воды на две меньшие капли, которые всё ещё помнят, что были одной. Один миг — и они стали двумя. Он ушёл в воду, чтобы течь. Она осталась в земле, чтобы ждать. Он стал океаном, который лижет берег и не может его обнять. Она стала берегом, который принимает волны и не может их удержать. И между ними пролегла пустота, которую люди потом назовут временем, и расстоянием, и пространством. Но это была не пустота. Это была тоска. Самая первая тоска во вселенной. Он просыпается в шесть утра, хотя будильник стоит на семь. Тело привыкло. Тело всегда знает раньше, чем голова. Он встаёт, не включая свет — знает дорогу на кухню наизусть: три шага прямо, поворот налево, рука находит выключатель, но не нажимает. Свет не нужен. Окно даёт достаточно — серое, влажное, сахалинское утро просачивается сквозь шторы, как вода сквозь пальцы. Он ставит чайник. Достает из шкафа кружку — белую, с отбитым краем. Он не меняет её уже три года. Потому что отбитый край — это как шрам. Он напоминает, что кружка была в бою. Что она выжила. Что он тоже выжил. Овсянка. Он варит её каждое утро. Без сахара. Без соли. Он не чувствует вкуса — не потому, что болен, а потому, что ему всё равно. Еда — это просто топли-

во. Как бензин для машины. Он ест, смотрит в окно, думает о том, что сегодня снова ничего не изменится. На кухне тихо. Только чайник шипит. Только ветер стучит в окно. Только где-то далеко, за стеной, сосед включает радио — старая песня, которую он слышал тысячу раз, но не может вспомнить название. Он садится за стол. Достает телефон. Разблокирует. Открывает чат. Пусто. Последнее сообщение — вчерашнее. От коллеги: «Не забудь отчёт». Он закрывает чат. Открывает плеер. Ставит винил — старый, который достался от отца. Игла попадает на царапину, и музыка пропускает — один и тот же такт, снова и снова. Он не меняет пластинку. Потому что эта царапина — часть песни. Как шрам — часть кожи. Он ест овсянку. Слушает, как игла пропускает. Смотрит, как ветер качает ветки за окном. И чувствует, что его ладонь пуста. Он сжимает кулак. Как будто может удержать то, чего нет. Она просыпается от того, что дочь зовёт её. «Мама, я хочу пить». Она встаёт. Идёт в комнату дочери. Та сидит на кровати, трёт глаза, волосы растрёпаны. Она берёт её на руки — лёгкую, тёплую, пахнущую молоком и сном. Несёт на кухню. Наливает воду в стакан. Дочь пьёт, держась за стакан двумя руками, и смотрит на мать большими глазами — теми, которые ещё не знают, что мир может быть жестоким. «Мама, а тебе приснилось что-нибудь?» Она улыбается. Гладит её по голове. «Нет, малыш. Ничего не приснилось». Это ложь. Ей приснился океан. Ей приснился ветер. Ей приснился кто-то, кого она не видела, но чьё дыхание она чувствовала на

своей шее. Но она не говорит этого. Потому что дочь слишком мала, чтобы понять, что её мать живёт в двух мирах одновременно — в этом, где есть работа, кофе, сигареты, и в том, где есть только ожидание. Она укладывает дочь обратно в кровать. Целует её в макушку. Шепчет: «Спи, малыш. Пусть тебе приснится что-то хорошее». И сама не верит в это. Потому что хорошее — это то, чего у неё нет. Хорошее — это то, что она ждёт. Хорошее — это он. Она идёт на кухню. Ставит чайник. Достает кружку — ту самую, с отбитым краем. Она не меняет её. Потому что отбитый край — это как шрам. Он напоминает, что кружка была в бою. Что она выжила. Что она тоже выжила. Кофе. Чёрный. Без сахара. Она насыпает ложку. Две. Смотрит, как тёмные крупинки падают на дно. Как маленький водопад. Как что-то, что должно было быть красивым, но стало просто привычкой. Она садится у окна. Пьёт кофе. Курит. Смотрит, как дым поднимается к потолку, как он кружится, как он исчезает. И думает о том, что сегодня снова ничего не изменится. Что сегодня снова она проснётся, накормит дочь, пойдёт на работу, вернётся домой, выпьет кофе, посмотрит в окно, ляжет спать. Что сегодня снова её ладонь будет пуста. Он не любил ничего пустого. Он не любил пустых разговоров — тех, где люди говорят о погоде, о политике, о том, что сказал кто-то кому-то, и всё это не имеет значения, потому что через час они забудут, о чём говорили. Он не любил пустых обещаний — тех, которые дают, чтобы получить, и забывают, как только полу-

чают. Он не любил пустых комнат — тех, в которых эхо звучит громче, чем голоса тех, кто в них живёт. В тридцать пять лет у него была работа, которая не грела. Он ходил туда, как ходят на войну — зная, что вернёшься, но не зная, каким. Он делал то, что нужно было делать, говорил то, что нужно было говорить, улыбался тем, кому нужно было улыбаться. И у него были женщины. Одна — блондинка, работала в банке. Она пахла дорогими духами и говорила о том, сколько стоит её сумка. Он встречался с ней три месяца. Однажды она сказала: «Ты когда-нибудь купишь мне кольцо?» Он посмотрел на неё. На её руки — с идеальным маникюром, с кольцами на каждом пальце. И понял, что не хочет. Не потому, что не может. А потому, что не хочет. Потому что кольцо — это обещание. А он не может обещать то, чего не чувствует. Другая — брюнетка, работала учителем. Она пахла мелом и говорила о детях. Он встречался с ней полгода. Однажды она сказала: «Я хочу ребёнка». Он посмотрел на неё. На её глаза — тёплые, добрые, но пустые. И понял, что не хочет. Не потому, что не может. А потому, что не хочет. Потому что ребёнок — это будущее. А он не может строить будущее с тем, кто не видит прошлого. Третья — рыжая, работала дизайнером. Она пахла краской и говорила о том, как она устала. Он встречался с ней год. Однажды она сказала: «Я не знаю, кто я». Он посмотрел на неё. На её руки — с пятнами краски, с короткими ногтями. И понял, что хочет. Хочет остаться. Хочет помочь. Хочет быть рядом. Но она ушла первой.

Сказала: «Ты слишком далёкий. Я не могу до тебя дотянуться». Он не винил их. Он не мог винить их за то, что они не были тем, чем они не могли быть. Но сейчас он был один. И это было правильно. Потому что одиночество — это не наказание. Одиночество — это пространство, в котором можно услышать себя. Он просыпался по ночам от того, что его ладонь была пуста. Он смотрел на неё. Сжимал кулак. Как будто мог удержать то, чего нет. Он пил чай. Смотрел на океан. И чувствовал, что ветер, который дул ему в лицо, не его ветер. Что это ветер кого-то другого. Что этот ветер пришёл откуда-то, где его ждали. Где его любили. Где его понимали. Она не верила, что такие люди существуют — те, кто понимает без слов, кто чувствует без прикосновений, кто любит без условий. В двадцать пять лет она уже привыкла, что мужчины либо громкие, либо пустые. Один — высокий, работал менеджером. Он говорил много. О том, как он успешен. О том, как он путешествует. О том, как он знает, чего хочет. Она встречалась с ним два месяца. Однажды он сказал: «Ты слишком тихая. Мне нужно, чтобы женщина была рядом, а не где-то в своих мыслях». Она посмотрела на него. На его руки — большие, сильные, но не знающие, как держать. И поняла, что не хочет. Не потому, что он плохой. А потому, что он не слышит тишину. А она живёт в тишине. Другой — низкий, работал программистом. Он молчал. Но не потому, что ему было что сказать. А потому, что ему нечего было сказать. Она встречалась с ним три месяца. Однажды она спро-

сила: «О чём ты думаешь?» Он посмотрел на неё. На её глаза — тёмные, глубокие, но пустые. И сказал: «Ни о чём». И она поняла, что не хочет. Не потому, что он глупый. А потому, что его молчание — не тишина. Его молчание — пустота. А она живёт в тишине, не в пустоте. Она зажигала свечи в своей комнате. Смотрела на дым. Думала, что, наверное, ей нужен кто-то простой. Кто будет рядом. Кто будет говорить. Кто будет держать её за руку, когда ей страшно. Но её душа знала лучше. Её душа ждала того, чьё молчание будет громче слов. Того, чей голос она слышала в шуме дождя, но не могла разобрать. Того, чьё присутствие она чувствовала в пустоте комнаты, но не могла увидеть. И тогда — за пятнадцать лет до того, как он напишет ей «Привет», за десять лет до того, как она впервые зажжёт тот самый свет в окне, случилось то, что вселенная не учла. Он стоял на пирсе в своём городе. Было утро. Океан был серым. Ветер был холодным. Он курил. Смотрел на волны. Думал о том, что сегодня снова его ладонь будет пуста. И вдруг — он почувствовал что-то. Не звук. Не запах. Не прикосновение. Что-то другое. Как будто кто-то вздохнул за него. Как будто кто-то вдохнул воздух, который он собирался выдохнуть. Он оглянулся. На пирсе никого не было. Только он. И океан. И ветер. Он подумал: «Странно. Мне показалось, что кто-то вздохнул за меня». Она сидела на краю моста железной дороги в своём. Был вечер. Небо было серым. Ветер был тёплым. Она курила. Смотрела на поезд, который прошёл мимо, но не остановился. Думала о

том, что сегодня снова её ладонь будет пуста. И вдруг — она почувствовала что-то. Не звук. Не запах. Не прикосновение. Что-то другое. Как будто воздух стал теплее. Как будто кто-то коснулся её плеча, но не рукой, а чем-то иным. Она оглянулась. На мосту никого не было. Только она. И рельсы. И ветер. Она подумала: «Странно. Мне показалось, что воздух стал теплее». На расстоянии 5400 километров их лёгкие сделали один вдох. Одновременно. Ветер с океана донёс до него запах земли. Дым от её сигареты поднялся так высоко, что коснулся облаков, в которых пряталась его соль. Это была не встреча. Это было эхо. Вселенная не может разорвать то, что было единым. Она может только растянуть это. Как резинку. Как струну. И чем дальше она растягивает, тем сильнее будет удар, когда пальцы отпустят. Но в тот самый вечер, когда она зажгла свет и посмотрела на телефон, его палец завис над клавиатурой. Он не знал, что она смотрит. Она не знала, что он печатает. Но вселенная знала. Потому что струна натянулась до предела. И сейчас — в той самой тишине, о которой ты читала в первой главе — он наконец отпустит пальцы. И на экране появится первое слов.

Глава 2. Тишина до ответа.

Его палец отпустил клавишу. Это было движение, которое длилось меньше секунды, но в этой секунде поместилось всё — всё то, что он копил годами, всё то, что он носил в себе, как носят в кармане камень, не зная, зачем, но понимая, что выбросить его невозможно, потому что камень этот — не ка-

мень, а якорь, и если его выбросить, то корабль, который никогда не выходил в море, так и сгниёт в гавани, не узнав, как ково это — чувствовать, как солёная вода бьётся в борт, как ветер рвёт паруса, как горизонт уходит всё дальше, обещая то, чего никогда не обещал. Сообщение ушло. Оно превратилось в нули и единицы, в электрические импульсы, которые побежали по проводам, через сервера, через подводные кабели, через океан, через 5400 километров, через часовые пояса, через её молчание, через его ожидание, через всё то, что разделяло их с того самого момента, когда вселенная испугалась полноты и расколола их на две половины, которые теперь, в эту самую секунду, делали всё возможное, чтобы снова стать одним целым. Он смотрел на экран. Две серые галочки. Сообщение доставлено. Но не прочитано. Он знал, что это значит. Это значило, что телефон её где-то рядом. Что она где-то рядом. Что она жива. Что она существует. Что она — не сон, не фантазия, не призрак, которого он придумал, чтобы не сойти с ума от одиночества, а настоящая, живая, дышащая женщина, которая сейчас, в эту самую секунду, находится в 5400 километрах от него, и чей телефон только что получил его сообщение. Но он также знал, что две серые галочки — это не ответ. Это — обещание ответа. Это — вздох перед словом. Это — тишина перед музыкой. И в этой тишине было столько всего, что он не знал, как с этим быть. Он встал. Телефон остался на столе — экраном вверх, как лицо, которое смотрит в потолок и ждёт, когда кто-то наклонится

и поцелует его в лоб. Он отошёл к окну. Посмотрел на океан. Океан был серым. Волны бились о пирс. Ветер качал ветки какого-то дерева, которое росло рядом с его домом — он не знал, что это за дерево, он никогда не спрашивал, потому что деревья не нуждаются в именах, они просто растут, как растут все вещи, которые знают, зачем они здесь. Он вернулся к столу. Посмотрел на телефон. Две серые галочки. Всё ещё не прочитано. Он сел. Встал. Снова сёл. Его тело не знало, что с собой делать. Оно привыкло к движению — к тому, чтобы идти на работу, возвращаться с работы, стоять на пирсе, сидеть за столом, лежать в кровати. Но сейчас оно не знало, какое из этих движений правильное. Потому что сейчас не было ни работы, ни пирса, ни кровати. Сейчас был только телефон. И две серые галочки. И тишина, которая звенела так громко, что он слышал, как гудят провода в стенах. Он пошёл на кухню. Поставил чайник. Достал кружку — ту самую, с отбитым краем. Насыпал чай — зелёный, с жасмином. Тот самый, который она, как он чувствовал, сейчас пила где-то там, на другом конце земли. Он не знал, почему он решил, что она пьёт именно этот чай. Он просто чувствовал. Как чувствуют, что завтра будет дождь, хотя небо ещё чистое. Как чувствуют, что кто-то смотрит на тебя со спины, хотя в комнате никого нет. Чайник закипел. Он налил воду. Ждал три минуты — не больше, потому что если больше, будет горчить. Он не любил горький чай. Он любил тот, в котором есть горчинка, но не горечь. Тот, в котором есть память о

чём-то, что было, но не стало. Он налил чай в кружку. Сел за стол. Посмотрел на телефон, который остался в другой комнате. Он не стал за ним идти. Он пил чай. Слушал, как ветер стучит в окно. Смотрел, как пар поднимается от кружки, как он кружится, как он исчезает. И думал о том, что он только что сделал. Он написал ей. Не "привет". Не "как дела". Не "что делаешь". Он написал то, что не мог не написать. То, что копилось в нём годами. То, что было не словами, а криком, который он сдерживал так долго, что теперь, когда он наконец вырвался, он сам не знал, что с ним делать. Он вспомнил, как писал. Как палец дрожал над клавиатурой. Как дыхание сбивалось. Как сердце билось так громко, что он боялся, что она услышит его через 5400 километров. Как он стирал написанное. Писал снова. Снова стирал. И так — три раза. Пока не написал то, что нужно. То, что было не сообщением, а прикосновением. Тем самым, которое он не мог сделать руками, но мог сделать словами. И теперь он ждал. Он ждал не ответа. Он ждал подтверждения того, что он не ошибся. Что это был тот самый момент. Что струна, которую вселенная натягивала пятнадцать лет, наконец зазвучала. Что он не нарушил какой-то невидимый закон, который запрещает им встречаться. Что он не слишком торопится. Что он не слишком медлит. Что он — именно там, где должен быть. Именно тогда, когда должен быть. Именно тем, кем должен быть. Он допил чай. Кружка была пустой. На дне — листья. Тёмные. Мокрые. Как волосы после дождя. Он встал. Пошёл к теле-

фону. Две серые галочки. Всё ещё не прочитано. Он сел рядом. Положил руку на стол — рядом с телефоном, но не на него. Потому что он не хотел торопить. Он не хотел давить. Он не хотел, чтобы она чувствовала, что он ждёт. Потому что ожидание — это не требование. Ожидание — это пространство, в котором другой может быть собой. Он смотрел на экран. И ждал. Она слышала звук. Не громкий. Не резкий. Просто — звук. Тот самый, который телефон издаёт, когда приходит сообщение. Короткий. Тихий. Как щелчок пальцев. Как капля, упавшая в воду. Как вдох, который кто-то сделал где-то далеко, но который она слышала здесь. Она стояла у окна. В руке — сигарета. Дым поднимался к потолку, кружился, исчезал. За окном — серое небо, мокрые ветки, низкие облака. Она смотрела на всё это и не видела. Потому что она смотрела не глазами. Она смотрела чем-то другим — тем, что живёт не в голове, а в груди. Тем, что чувствует раньше, чем думает. Тем, что знает больше, чем помнит. Телефон лежал на столе. Экран загорелся. Погас. Снова загорелся. Она не пошла к нему. Она стояла. Курила. Смотрела в окно. И чувствовала, как что-то внутри неё — что-то, что она не могла назвать, но что-то, что было всегда, — начинает дрожать. Не от страха. Не от радости. От чего-то третьего. От того, что бывает, когда стоишь на краю обрыва и знаешь, что нужно прыгнуть, но не знаешь, что будет внизу — земля или вода, жизнь или смерть, конец или начало. Она знала, кто написал. Она не видела имени на экране.

Она не видела текста. Она не видела ничего, кроме того, что экран загорелся. Но она знала. Как знают, что завтра будет солнце, хотя ночь ещё не закончилась. Как знают, что ребёнок вырастет, хотя он ещё маленький. Как знают, что любовь — это не чувство, а место, в которое можно вернуться, даже если ты никогда там не был. Она знала, что это он. И именно поэтому она не шла к телефону. Потому что если она пойдёт — если она возьмёт телефон в руки, если она разблокирует экран, если она прочитает то, что он написал, — то мир изменится. Не сильно. Не сразу. Но изменится. Как меняется комната, когда в неё входит человек, которого ты ждал. Как меняется небо, когда над ним проходит облако. Как меняется море, когда в него падает камень. Она боялась не его. Не сообщения. Не того, что он написал. Она боялась себя. Той себя, которой она станет, когда прочитает. Той, которая уже не сможет вернуться в ту, кем была минуту назад. Той, которая будет знать, что он существует. Что он реален. Что он — не сон, не фантазия, не призрак, а живой человек, который дышит, пьёт чай, смотрит на океан и думает о ней. Она потушила сигарету. Посмотрела на телефон. Экран был тёмным. Но она знала, что на нём — сообщение. Что оно ждёт её. Что оно не исчезнет, если она не подойдёт. Что оно будет лежать там, как письмо, которое кто-то положил под дверь, и которое можно не открывать, но которое нельзя не заметить. Она пошла к столу. Медленно. Как идут к кому-то, кого давно не видели, но боятся узнать. Как идут к зеркалу, в

котором, как говорят, можно увидеть своё настоящее лицо. Как идут к краю обрыва, зная, что прыгнешь, но не зная, что будет внизу. Она взяла телефон в руки. Он был тёплым. Не от батареи. От чего-то другого. От того, что в нём было сообщение. От того, что он только что получил часть его — часть его дыхания, часть его мыслей, часть его тоски. Она держала его, как держат руку того, кого любят. Как держат что-то хрупкое, что может разбиться, если сжать слишком сильно. Она не разблокировала экран. Она просто держала. Чувствовала вес. Чувствовала тепло. Чувствовала, как пальцы дрожат — не от холода, не от страха, а от того, что внутри неё что-то просыпается. Что-то, что спало очень долго. Что-то, что она не знала, что существует. Что-то, что теперь, когда оно проснулось, она не знает, как с этим быть. Она села у окна. Положила телефон на колени. Экраном вверх. Она не смотрела на него. Она смотрела в окно. На серое небо. На мокрые ветки. На низкие облака. И думала о том, что сейчас, в эту самую секунду, он тоже где-то сидит. Тоже смотрит в окно. Тоже ждёт. Тоже не знает, что будет дальше. Она думала: а вдруг это не он? А вдруг это просто случайность? А вдруг вселенная ошиблась? А вдруг она всё это время ждала не того, кого нужно было ждать? А вдруг он — не тот, кого она искала? А вдруг он — просто человек? Просто мужчина за тридцать пять, который живёт на Сахалине, пьёт чай, смотрит на океан и пишет случайным женщинам странные сообщения? Но она знала. Она знала, что это не случайность.

Что вселенная не ошибается. Что он — не просто человек. Что он — тот, кого она ждала. Тот, чьё молчание она слышала в шуме дождя. Тот, чьё присутствие она чувствовала в пустоте комнаты. Тот, чей голос она знала, хотя никогда не слышала. И именно поэтому она боялась. Потому что если это он — если это действительно он — то всё, что она думала о любви, о жизни, о себе, — всё это изменится. Не разрушится. Изменится. Как меняется вода, когда в неё падает свет. Как меняется небо, когда над ним встаёт солнце. Как меняется человек, когда он наконец понимает, зачем он живёт. Она посмотрела на телефон. Экран был тёмным. Но она знала, что на нём — сообщение. Что оно ждёт её. Что оно не исчезнет, если она не прочтает. Она подняла палец. К экрану. И замерла. Вселенная замирает. Это не метафора. Это не литературный приём. Это — то, что происходит на самом деле, когда две половины одной души готовы снова встретиться. Когда струна, которую натягивали пятнадцать лет, вот-вот зазвучит. Когда нить, которая связывала их через 5400 километров, через океан, через сервера и молчание, сейчас, в эту самую секунду, натянется до предела. Вселенная замирает. Где-то на Сахалине волна зависает в воздухе, прежде чем разбиться о пирс. Она не падает. Она не разбивается. Она просто — есть. Висит в воздухе, как слеза, которая не может упасть, потому что не знает, нужно ли. Где-то на Урале капля дождя замирает на кончике ветки. Она не падает. Она не стекает. Она просто — есть. Держится за край листа, как

ребёнок держится за руку матери, потому что боится отпустить. Где-то между ними — в воздухе, в проводах, в эфире — сообщение летит. Но оно не хочет долетать. Потому что оно знает: когда оно долетит, когда она его прочитает, когда она ответит, — всё изменится. И оно, сообщение, исчезнет. Превратится из ожидания в ответ. Из тишины в музыку. Из возможности в реальность. Время останавливается. Не на самом деле. Часы продолжают тикать. Сердце продолжает биться. Земля продолжает вращаться. Но для них — для него и для неё — время останавливается. Потому что в эту секунду нет ни прошлого, ни будущего. Есть только настоящее. Только эта самая секунда. Только этот самый вздох. Только это самое замирание сердца. Где-то птица зависает в полёте. Она не машет крыльями. Она не падает. Она просто — есть. Висит в воздухе, как мысль, которая не может родиться, потому что не знает, нужно ли. Где-то поезд останавливается между станциями. Машинист не понимает, почему поезд остановился. Он смотрит на приборы. Всё в порядке. Он смотрит в окно. Ничего нет. Просто — тишина. Просто — остановка. Просто — момент, который не должен был случиться, но который случился. Где-то ребёнок просыпается посреди ночи. Он не плачет. Он не зовёт мать. Он просто — смотрит в темноту. И чувствует, что что-то происходит. Что-то важное. Что-то, что он не может понять, но что-то, что он запомнит на всю жизнь. Как запоминают сны, которые не снятся, но которые есть. Вселенная замирает. Потому

что она знает: сейчас, в эту самую секунду, две её половины готовы вспомнить друг друга. Готовы снова стать одним целым. Готовы закрыть ту трещину, которую она сама создала, когда испугалась полноты. И она — вселенная — не знает, что будет дальше. Будет ли встреча. Будет ли любовь. Будет ли жизнь. Или будет только тишина. Только ожидание. Только тоска, которая никогда не закончится. Но она знает одно: сейчас, в эту самую секунду, всё возможно. Он сидит у телефона. Две серые галочки. Всё ещё не прочитано. Он не знает, что она сейчас делает. Он не знает, что она сидит у окна, держит телефон в руках и боится разблокировать экран. Он не знает, что её пальцы дрожат. Что её сердце бьётся так громко, что она боится, что он услышит его через 5400 километров. Что она боится не его, не сообщения, а себя — той, которой она станет, когда прочитает. Он знает только одно: она получит сообщение. Она прочитает его. И она ответит. Или не ответит. Но он уже не может это изменить. Потому что он уже сделал то, что должен был сделать. Он уже отпустил палец. Он уже отправил сообщение. Он уже сделал шаг в ту сторону, откуда нет возврата. Он смотрит в окно. Океан шумит. Ветер качает ветки. Небо серое. Всё как всегда. Но он знает, что всё изменилось. Что он уже не тот, кем был час назад. Что он уже не может вернуться в то состояние, в котором был до того, как написал. Потому что он уже знает, что она есть. Что она реальна. Что она — не сон, не фантазия, не призрак, а живая женщина, которая сейчас, в эту самую

секунду, находится в 5400 километрах от него. И он ждёт. Не ответа. Не подтверждения. Не знака. Он ждёт просто — её. Её присутствия. Её дыхания. Её тишины. Той самой тишины, которая громче любых слов. Той самой тишины, в которой он слышит её, даже когда она молчит. Она сидит у окна. Телефон на коленях. Экран тёмный. Но она знает, что на нём — сообщение. Что оно ждёт её. Что оно не исчезнет, если она не прочтает. Она не знает, что он сейчас делает. Она не знает, что он сидит у телефона, смотрит на две серые галочки и ждёт. Она не знает, что его сердце бьётся так громко, что он боится, что она услышит его через 5400 километров. Что он боится не её, не её молчания, а того, что он ошибся. Что это был не тот момент. Что он нарушил какой-то невидимый закон, который запрещает им встречаться. Она знает только одно: она должна прочитать. Она должна ответить. Она должна сделать шаг в ту сторону, откуда нет возврата. Потому что она уже не может вернуться в то состояние, в котором была до того, как получила сообщение. Потому что она уже знает, что он есть. Что он реален. Что он — не сон, не фантазия, не призрак, а живой мужчина, который сейчас, в эту самую секунду, находится в 5400 километрах от неё. И она ждёт. Не себя. Не решения. Не знака. Она ждёт просто — его. Его присутствия. Его дыхания. Его тишины. Той самой тишины, которая громче любых слов. Той самой тишины, в которой она слышит его, даже когда он молчит. Вселенная замирает. Волна на Сахалине всё ещё висит в воздухе. Кап-

ля на Урале всё ещё держится за край листа. Поезд всё ещё стоит между станциями. Птица всё ещё зависла в полёте. Ребёнок всё ещё смотрит в темноту. Всё ждёт. Всё замерло. Всё задержало дыхание. Потому что сейчас, в эту самую секунду, она поднимет палец к экрану. Сейчас, в эту самую секунду, она разблокирует телефон. Сейчас, в эту самую секунду, она прочитает то, что он написал. И мир уже никогда не будет прежним.

Глава 3. Частота.

Он не знал, что слова могут иметь вес, что они могут падать на дно души, как тяжёлые камни падают на дно океана, опускаясь сквозь толщу воды, сквозь холод, сквозь темноту, и ложиться на самое дно, где остаются навсегда, где их не смыть течением, не стереть временем, не забыть, потому что они становятся частью того места, куда упали, частью того человека, который их прочитал. Раньше слова были просто воздухом — тем, что говоришь коллеге у кофемашины, тем, что пишешь в отчёте, тем, что отправляешь бывшей, чтобы просто заполнить тишину, и забываешь через минуту, потому что они не оставляют следа, не меняют ничего, просто проходят сквозь тебя, как ветер проходит сквозь решето. Но её слова были другими. Она писала длинными абзацами, не разбивая их на короткие сообщения, не ставя точки там, где можно было бы поставить, как будто она боялась, что если остановится, то потеряет нить, ту самую золотую нить, которая сейчас натягивалась между ними через 5400 километ-

ров, через океан, через часовые пояса, через всю эту вселенную, которая замерла, чтобы дать им возможность сказать друг другу то, что они копили годами. Она писала не как отправляют SMS. Она писала как пишут письма — те самые, бумажные, которые когда-то писали чернилами, складывали в конверт, заклеивали и отправляли почтой, зная, что они дойдут не сразу, но дойдут точно, потому что письмо — это не просто информация, это часть души, которую ты вкладываешь в конверт. Она писала о том, как любит ночь. "Я не сплю до трёх. Иногда до четырёх. Не потому, что не могу уснуть, не потому, что бессонница мучает меня, а потому, что ночь — единственное время, когда мир не требует от меня быть кем-то. Когда я могу просто быть. Просто дышать. Просто существовать, не надевая масок, не играя ролей, не притворяясь сильной, успешной, правильной. Днём я принадлежу всем — дочери, которая просыпается и зовёт меня, работе, которая требует отчётов, соседям, которые здороваются в подъезде, проходим на улице, которые смотрят на меня и оценивают. А ночью я принадлежу себе. И теперь, кажется, тебе". Он читал это на кухне, в шесть утра, когда за окном океан был ещё чёрным, тяжёлым, как ртуть, когда на небе только начинала проступать первая, едва заметная полоса света, тонкая, как лезвие, когда чай в его кружке — той самой, с отбитым краем — уже остыл, но он не замечал этого, потому что не мог оторваться от экрана, потому что каждое её слово было как прикосновение, как тот самый зо-

лотой свет с картинки, которую он ещё не видел, но которую уже чувствовал, свет, который сейчас пронизывал его плечи, проходил сквозь грудь, заставляя что-то внутри него — то, что было заморожено долгие годы, то, что превратилось в лёд от одиночества, от пустых разговоров, от женщин, которые пахли духами, а не дымом и чаем, — медленно, очень медленно начинать таять. Она не спрашивала его о работе. Не спрашивала о том, сколько он зарабатывает, есть ли у него машина, квартира, дача, все те вещи, о которых спрашивают женщины, которые ищут не человека, а статус. Она спрашивала о том, что снится ему по ночам. О том, как пахнет ветер у океана — солёный, холодный, живой. О том, чувствует ли он себя одиноким, когда засыпает, когда гасит свет и остаётся наедине с тишиной, которая в такие моменты становится громче любого шума. И он отвечал. Он писал ей о том, как любит смотреть на луну. "Когда я был маленьким, я думал, что на луне кто-то живёт. Не в смысле инопланетяне из фильмов, не в смысле сказок, которые рассказывают детям перед сном. А в смысле — какая-то душа. Какая-то часть чего-то большого, важного, настоящего. И что когда я смотрю на неё, эта душа смотрит на меня, видит меня, знает, что я есть. Теперь я знаю, что это была ты. Не луна. Ты. Просто я ещё не знал твоего имени, не знал, где ты, не знал, что ты существуешь, но я смотрел на луну и чувствовал, что кто-то там, на другом конце этого серебристого света, тоже смотрит на неё и думает обо мне". Она ответила через три

минуты — он видел, как на экране появились три точки, которые означали, что она печатает, и его сердце забилося чаще, как бьётся сердце человека, который стоит на краю обрыва и знает, что сейчас прыгнёт, но не знает, что будет внизу. "Я тоже так думала. Но я думала, что на луне живёт он. Тот, кто меня ждёт. Тот, кто поймёт. Тот, кто не испугается моей тьмы, моей тишины, моего дыма. И что когда я смотрю на неё, он видит меня сквозь миллионы километров, сквозь время, сквозь всё, что разделяет нас. И что когда-нибудь мы встретимся. Я не знала, что это будешь ты. Но я знала, что это случится". Он сидел на кухне, и его ладонь, которая ещё вчера была пустой, которая ещё вчера сжимала воздух, пытаясь удержать то, чего нет, сейчас сжимала телефон — тёплый, живой, пульсирующий, как будто он держал не пластик и стекло, а её руку, как будто между ними не было 5400 километров, как будто эта золотая нить, о которой он ещё не знал, но которую уже чувствовал, уже связала их, уже натянулась до предела, уже начала светиться тем самым светом, который виден только тем, кто смотрит не глазами, а душой. Она боялась, что он окажется не тем. Не потому, что не верила в него, не потому, что сомневалась в том золотом свете, который уже начал проникать в её комнату, смешиваясь с дымом от сигареты, с запахом остывшего кофе, с тишиной ночи. А потому, что слишком сильно хотела верить, слишком сильно хотела, чтобы он оказался тем самым, тем единственным, тем, кого она ждала все эти годы, сидя на краю

моста, глядя на поезда, которые проходили мимо, но не останавливались. И если бы он ошибся — если бы он написал что-то обычное, банальное, если бы он спросил "как дела?" или "какая у тебя любимая еда?", если бы он начал говорить о погоде, о работе, о том, что ел на завтрак, — она бы закрыла чат, выключила телефон, легла бы в кровать и никогда не открывала его снова, потому что не смогла бы вынести этой боли, боли от того, что она снова ошиблась, что снова поверила в сказку, которая оказалась просто сказкой. Но он спросил её о том, чего никто никогда не спрашивал. Он написал: "Какая ночь была самой тихой в твоей жизни?" Она смотрела на этот вопрос, и её пальцы замерли над экраном, и она не могла дышать, потому что этот вопрос был не просто вопросом, это был ключ, ключ от той двери, которую она заперла много лет назад, от той комнаты в её душе, куда она больше не пускала никого, где хранилась её самая глубокая, самая настоящая, самая страшная правда. Она ответила, и её пальцы дрожали, когда она печатала: "Та, когда я поняла, что я одна. По-настоящему одна. Не просто физически, не просто потому, что рядом никого нет, а потому, что я осознала, что никто и никогда не поймёт меня до конца. Когда дочь уснула, когда я уложила её, поцеловала в макушку, вышла из комнаты, закрыла дверь и села на кухне. И выключила свет. И смотрела в темноту, которая была такой густой, такой плотной, что её можно было потрогать руками. И ничего не чувствовала. Ни страха. Ни боли. Ни надежды. Просто

тишина. И дым от сигареты, который поднимался к потолку, кружился, исчезал. И мысли о том, что, наверное, так и должно быть. Что я рождена для того, чтобы быть одной. Что никто не придёт. Что никто не постучится в эту дверь. Что никто не поймёт. Что я — это всё, что у меня есть. И этого достаточно. Должно быть достаточно". Он ответил через минуту — она видела, как появились три точки, как он печатал, и её сердце билось так громко, что она боялась, что он услышит его через 5400 километров, через океан, через всё, что разделяло их. "Такая ночь была у меня. Тоже. Несколько лет назад. Я сидел на пирсе, на том самом, где я стою каждое утро, где ветер рвёт мою куртку, где волны бьются о сваи так, что кажется, будто они хотят забрать меня с собой. И я смотрел на океан, на эту чёрную, холодную воду, и думал, что если я сделаю шаг вперёд, если я упаду в воду, никто не заметит. Не потому, что я хотел умереть, не потому, что я искал смерти, а потому, что я хотел, чтобы кто-нибудь заметил, чтобы кто-нибудь закричал, чтобы кто-нибудь сказал: «Стой! Ты нужен! Ты не один!» Но никто не сказал. Потому что никого не было. Только я. И океан. И ветер. Поэтому я пошёл домой. Заварил чай. Тот самый, с жасмином, который я теперь пью каждое утро, думая о тебе. И лёг спать. И на следующий день всё было как обычно — работа, еда, сон, работа, еда, сон. Но в той ночи я понял, что я один. Навсегда. Или до тех пор, пока кто-то не придёт и не скажет: «Я тоже так чувствовал. Я тоже сидел в темноте. Я тоже думал, что

я один. Но я здесь. Я пришёл»". Она не плакала. Она давно разучилась плакать от того, что кто-то понимает, потому что понимание было таким редким, таким драгоценным, что она берегла его, как берегут последнюю спичку в холодную ночь, боясь потратить её понапрасну. Она плакала только от боли, от физической боли, от той, что можно показать, которую можно объяснить, которую можно вылечить таблетками. Но сейчас она заплакала. Не громко. Не истерично, не рыдая, не разбивая посуду, не царапая стены. Просто слёзы потекли по её щекам, тихие, горячие, бесшумные, пока она читала его слова, пока она видела, как он сидит на том пирсе, как ветер рвёт его куртку, как он смотрит на океан и думает о том, что он один, не зная, что она в этот самый момент сидит на кухне в своём городе, в 5400 километрах от него, и думает о том же самом, не зная, что он существует. Потому что он понял. Он не спросил "зачем ты так думаешь?", не сказал "не грусти, всё будет хорошо, найдётся кто-то лучше", не начал утешать её пустыми словами, которые говорят все, когда не знают, что сказать. Он просто сказал: "Я тоже". И этого было достаточно. Более чем достаточно. Потому что "я тоже" — это не просто слова. Это золотая нить, которая теперь связала их навсегда. Потом он прислал ей песню. Она знала, что для него это — табу, что он сказал ей об этом на второй день их разговора, когда они ещё не знали, что эти разговоры станут их жизнью, их воздухом, их кислородом. Он сказал: "Я никогда никому не скидываю музыку. Никогда. Потому что

музыка — это моя душа, это то, что я не могу выразить словами, это то, что я прячу от всех, потому что боюсь, что её сломают, что её не поймут, что её используют против меня. Музыку показывают только тем, кому доверяют полностью. Тем, кто её не ломает". И он прислал ей песню. Она открыла ссылку, и её пальцы дрожали, когда она нажимала на play, потому что она знала, что сейчас, в эту самую секунду, он открывает ей свою душу, показывает ей то, что никому не показывал, доверяет ей то, что никому не доверял. Это был один из тех треков, которые играли у неё в наушниках по ночам, когда она сидела у окна, курила, смотрела на звёзды и думала о том, кто он, тот, кого она ждёт. Тех, которые она считала своими, личными, тайными, тех, которые она никогда никому не показывала, потому что боялась, что их украдут, что их профанируют, что их превратят в просто музыку, в просто звук, в просто фон. "Как ты узнал?" — написала она, и её голос дрожал, хотя она писала, а не говорила. Он ответил: "Я не знал. Я не мог знать. Я просто открыл плеер, сел на кухне, посмотрел на океан и подумал о тебе. О том, какую песню я хотел бы, чтобы ты услышала, если бы мог спеть тебе сам. И нажал на ту, что первая пришла в голову. А потом, когда она заиграла, я понял, что это та же, которую я слышал у тебя в голове, когда мы говорили о той ночи, о темноте, о тишине. Я не знаю, как это работает. Я знаю только, что это работает". Они слушали её одновременно. Он — на кухне, в шесть утра, когда океан за окном был ещё чёрным, когда чай

в его кружке остывал, когда ветер стучал в окно. Она — на кухне, в три часа ночи, когда дочь спала, когда сигарета догорала в пепельнице, когда луна светила в окно. Одна и та же мелодия, одно и то же дыхание, одно и то же сердце, которое билось в унисон, хотя между ними были тысячи километров и несколько часов разницы, хотя они никогда не видели друг друга, хотя они не знали, как выглядит другой. Но они знали. Они знали, потому что эта песня была не просто песней. Она была той самой золотой нитью, которая теперь связывала их, которая проходила сквозь время, сквозь пространство, сквозь всё, что разделяло их тела, но не могло разделить их души. Они обменивались видео. Он снял для неё океан — просто волны, которые накатывали на берег и отступали, просто ветер, который качал камеру, просто свет, который падал на воду, превращая её в жидкое серебро, просто шум, который он записал, чтобы она могла услышать то, что он слышит каждое утро, то, что убаюкивает его по ночам, то, что напоминает ему о том, что он жив. Она сняла для него небо — облака, которые плыли над её городом, медленные, тяжёлые, серые, и солнце, которое пряталось за ними, пробиваясь иногда тонкими лучами, как будто пытаясь сказать что-то, как будто пытаясь дотянуться до неё, как будто зная, что где-то там, на другом конце земли, кто-то смотрит на это же солнце, на эти же облака, на это же небо. Он прислал ей фото луны, снятое с его балкона — большая, яркая, близкая, как будто можно дотянуться до неё рукой. Она ответила фо-

то луны, снятое с её окна — та же самая луна, но в другом свете, в другом небе, в другом городе. Две луны — одна и та же, но в разных частях света. Как они. "Мы смотрим на одну луну" — написала она, и её пальцы гладили экран телефона, как будто гладили его щеку." Мы всегда смотрели на неё вместе. Просто не знали об этом. Просто думали, что смотрим в одиночку. Но мы не были в одиночку. Мы были вместе. Мы всегда были вместе" — ответил он, и его пальцы сжимали телефон так сильно, что костяшки побелели. Она отправила ему картинку — две половинки одной души, которые пытаются соединиться, но между ними — пропасть, бездна, 5400 километров, океан, время, всё то, что разделяет их тела. Он ответил картинкой — две волны, которые стремятся друг к другу, но разбиваются о берег, не могут встретиться, не могут стать одной волной. "Мы не разбиваемся" — написала она, и её глаза горели тем самым огнём, который горит в глазах человека, который наконец-то нашёл то, что искал. "Нет. Мы — это берег. Мы не боимся волн. Мы принимаем их. Мы позволяем им разбиваться о нас, потому что знаем, что за каждой волной приходит следующая, и следующая, и следующая, и однажды они сольются в одну, и эта одна волна смоем всё, что разделяло нас" — ответил он, и его голос дрожал, хотя он писал, а не говорил. Дни пролетали, как минуты, как секунды, как мгновения. Он просыпался в шесть, варил овсянку — ту самую, без соли, без сахара, ту, которую он ел механически, не чувствуя вкуса, но теперь

он чувствовал вкус, потому что думал о ней, о том, что она сейчас, может быть, тоже ест, тоже пьёт кофе, тоже смотрит в окно. Он садился на кухне, открывал чат, и его сердце билось чаще, когда он видел, что она уже написала, что она уже здесь, что она уже ждёт его. Она просыпалась в два часа ночи, когда дочь уже спала, когда дом затихал, когда только луна светила в окно, и тоже открывала чат, и её пальцы сами находили его имя, сами открывали их разговор, сами начинали печатать, потому что её тело помнило его, помнило их связь, помнило ту золотую нить, которая теперь связывала их. Они не договаривались об этом. Они просто знали. Он знал, что когда он сядет за стол, когда возьмёт в руки кружку, когда посмотрит на океан, она уже будет там, уже будет ждать его, уже будет думать о нём. Она знала, что когда она откроет глаза, когда потянется к телефону, когда включит свет, его сообщение уже будет ждать её, уже будет лежать на экране, как письмо, которое кто-то положил под дверь. Время перестало существовать. Часы больше не имели значения, стрелки на них кружились, но не двигались вперёд, потому что время теперь измерялось не минутами и часами, а сообщениями, не днями и неделями, а их разговорами. Дни больше не делились на рабочие и выходные, на утро и вечер, на светлое и тёмное время суток. Было только "до её сообщения" и "после", только "он написал" и "она отвечает", только тишина между их словами, которая была громче любых разговоров, значимее любых признаний, важнее любых клятв. Он пере-

стал есть овсянку — она остывала на столе, пока он писал ей, пока он читал её слова, пока он перечитывал их снова и снова, запоминая каждую букву, каждую запятую, каждую точку. Она перестала считать, сколько чашек кофе выпила — они стояли на столе, пустые, холодные, забытые, потому что кофе больше не был важен, важен был только он, только его слова, только его голос, который она ещё не слышала, но уже знала. Они жили в этом новом пространстве, где не было ни еды, ни сна, ни работы, ни быта — только слова, которые они писали друг другу, только музыка, которую они слушали одновременно, только картинки, которые они отправляли, только видео, которые они снимали, только эта золотая нить, которая становилась всё толще, всё крепче, всё ярче с каждым днём. Прошло три дня. Или три года. Они не знали, не могли знать, потому что время теперь принадлежало не им, не часам, не календарю. Оно принадлежало их связи, их разговорам, их общему пульсу, их синхронному дыханию, их сердцам, которые бились в унисон, хотя между ними были 5400 километров. Она перестала замечать, что за окном темнеет и светлеет, что солнце встаёт и садится, что луна меняется от новолуния до полнолуния. Он перестал замечать, что океан меняет цвет, что волны становятся выше или ниже, что ветер усиливается или стихает. Весь мир сузился до экрана телефона, до букв, которые они писали друг другу, до голосовых сообщений, которые он ещё не решался отправить, но уже хотел, уже мечтал, уже представлял, как она

слушает их, как она закрывает глаза, как она чувствует его голос на своей коже. Она хотела услышать его голос. Но боялась попросить, потому что голос — это слишком реально, слишком близко, слишком опасно. Голос — это тело, это человек из плоти и крови, это тот, кого можно потерять, кто может исчезнуть, кто может перестать писать, перестать отвечать, перестать быть. А слова — они безопасны, их можно стереть, их можно переписать, их можно сохранить, их можно перечитывать снова и снова, когда он молчит. Но он знал, что она хочет. Он чувствовал это, как чувствовал её пустую ладонь, которая тянется к нему сквозь экран, как чувствовал её дыхание, которое смешивается с его дыханием, как чувствовал её слёзы, которые она прятала ото всех, но не могла спрятать от него, потому что он видел их, чувствовал их, знал, что они есть. И однажды утром, когда океан за окном был особенно тихим, когда луна ещё не скрылась за горизонтом, когда чай в его кружке был ещё горячим, он нажал на кнопку "запись", и его палец дрожал, и его сердце билось так громко, что он боялся, что микрофон уловит это биение, что она услышит его, что она поймёт, насколько он уязвим, насколько он открыт, насколько он принадлежит ей. Он сказал: "Привет. Это я. Я не знаю, что говорить, не знаю, с чего начать, не знаю, как выразить то, что я чувствую, потому что слов нет, потому что они слишком мелкие, слишком обычные, слишком пустые для того, что происходит со мной. Я просто хотел, чтобы ты услышала мой голос. Чтобы ты знала,

что я настоящий, что я не просто буквы на экране, не просто текст, не просто сообщения, которые можно стереть. Что я здесь, что я существую, что я дышу, что я живу. Что я жду тебя. Что я дышу тобой, что каждое моё дыхание — это ты, что каждый мой вдох — это твоё имя, что каждый мой выдох — это тоска по тебе. Что я... что я люблю тебя. Я знаю, что рано, что мы не видели друг друга, что мы не касались друг друга, что мы не знаем, как пахнет кожа другого, как звучит смех вживую, как выглядит другой, когда спит. Но я чувствую это. Я чувствую это каждой клеткой своего тела, каждым биением своего сердца, каждым вдохом, каждым выдохом. И я не могу молчать, не могу больше прятать это, не могу больше делать вид, что это просто дружба, просто общение, просто разговоры. Прости. Прости, если я сказал слишком много. Прости, если я напугал тебя. Прости, если я разрушил всё. Но я не мог больше молчать. Я не мог". Он отправил. И испугался. Так сильно, что его руки затряслись, что он хотел удалить сообщение, отозвать его, сделать вид, что... его руки затряслись, что он хотел удалить сообщение, отозвать его, сделать вид, что этого не было, что он не отправлял, что он не говорил этих слов, что он не признавался в любви женщине, которую никогда не видел. Но он не мог. Потому что струна натянулась слишком сильно, потому что эта золотая нить, которая связывала их, теперь горела, теперь светилась, теперь требовала, чтобы он отпустил пальцы, чтобы он позволил ей зазвучать, чтобы он позволил

ей спеть ту песню, которую она копила пятнадцать лет. Прошла минута. Две. Пять. Десять. Она не отвечала. Он думал, что всё разрушил, что сказал слишком много, что напугал её, что она исчезнет, как исчезали все остальные, когда он показывал им свою душу, когда он открывал им своё сердце, когда он позволял им увидеть себя настоящего, без масок, без защит, без брони. Но через десять минут она ответила, и он увидел, что она печатает, увидел эти три точки, которые означали, что она жива, что она здесь, что она не исчезла, что она не убежала, что она осталась. "Я не могу ответить голосовым. Потому что если я открою рот, если я нажму на запись, если я попробую сказать что-то, я заплачу, я не смогу сдержать слёзы, я разрыдаюсь, и ты услышишь это, и ты поймёшь, насколько я уязвима, насколько я слаба, насколько я принадлежу тебе. А я хочу, чтобы ты помнил меня улыбающейся, сильной, той, кто не боится, той, кто идёт к тебе сквозь всё, что разделяет нас. Но я хочу, чтобы ты знал: я тоже. Я тоже люблю тебя. Я не могу сказать это иначе, не могу написать другими словами, не могу выразить это как-то ещё. И я не боюсь. Я никогда не боялась тебя, не боялась твоих слов, не боялась твоей души, не боялась того, что ты показал мне. Я боялась только одного — что ты исчезнешь, что ты перестанешь писать, что ты уйдёшь, как уходили все остальные, что ты окажешься просто сном, который рассеется утром. Но ты не исчез. Ты здесь. Ты пишешь. Ты любишь меня. И я здесь. Я пишу. Я люблю тебя. И это — всё, что мне

нужно. Всё, что когда-либо было нужно". Он сидел на кухне, и океан за окном был тихим, как никогда, как будто он тоже замер, как будто он тоже слушал, как будто он тоже понимал, что сейчас произошло что-то важное, что-то настоящее, что-то, что бывает раз в жизни. Луна уже скрылась за горизонтом, но ему не нужен был свет, потому что он сам был светом, потому что она была светом, потому что эта золотая нить, которая теперь связывала их, светила ярче любой луны, ярче любого солнца, ярче любой звезды. И он впервые за долгие годы, за все эти тридцать пять лет, чувствовал, что он — не один. Что он никогда не был один. Что она всегда была с ним, что она всегда ждала его, что она всегда знала, что он придёт. И он знал, что это — только начало. Что впереди ещё столько всего, что они ещё столько всего скажут друг другу, что они ещё столько всего почувствуют, что они ещё столько всего проживут. Но это было потом. А сейчас он просто сидел на кухне, смотрел на её сообщение, на эти слова, которые изменили всё, и улыбался. Впервые за долгие годы. По-настоящему.

Глава 4. Частота.

Он не знал, что слова могут быть такими. Он вообще не знал, что слова имеют вес. Раньше они были просто воздухом — тем, что говоришь и забываешь, тем, что пинешь и стираешь, тем, что проходит сквозь тебя, не оставляя следа. Но её слова были другими. Они падали на дно его души, как камни падают на дно океана — тяжело, окончательно,

навсегда. Она писала длинными абзацами. Не как SMS. Не как сообщения в мессенджере. Как письма. Как будто она сидела за столом с пером в руке, а не держала телефон, сжимая его обеими ладонями, потому что он слишком горячий, потому что от него исходит свет. Она писала о том, как любит ночь. «Я не сплю до трёх. Иногда до четырёх. Не потому, что не могу. А потому, что ночь — единственное время, когда мир не требует от меня быть. Когда я могу просто быть. Просто дышать. Просто существовать. Днём я принадлежу всем — дочери, работе, соседям, прохожим на улице. А ночью я принадлежу себе. И теперь, кажется, тебе». Он читал это на кухне, в шесть утра, когда океан за окном был ещё чёрным, а на небе только начинала проступать первая полоса света. Он читал и не мог оторваться. Читал и чувствовал, как что-то внутри него — то, что было заморожено долгие годы — начинает таять. Она не спрашивала его о работе. Не спрашивала о том, сколько он зарабатывает. Не спрашивала о том, есть ли у него машина и квартира. Она спрашивала о том, что снится ему по ночам. О том, как пахнет ветер у океана. О том, чувствует ли он себя одиноким, когда засыпает. И он отвечал. Он писал ей о том, как любит смотреть на луну. «Когда я был маленьким, я думал, что на луне кто-то живёт. Не в смысле инопланетяне. А в смысле — какая-то душа. И что когда я смотрю на неё, эта душа смотрит на меня. Теперь я знаю, что это была ты. Не луна. Ты. Просто я ещё не знал твоего имени». Она ответила через три минуты:

«Я тоже так думала. Но я думала, что на луне живёт он. Тот, кто меня ждёт. И что когда я смотрю на неё, он видит меня сквозь миллионы километров». Он сидел на кухне и смотрел в экран. Его ладонь перестала быть пустой. Она сжимала телефон — тёплый, живой, как будто он держал её руку, а не просто пластик и стекло. Она боялась, что он окажется не тем. Не потому, что она не верила в него. А потому, что слишком сильно хотела верить. Слишком сильно хотела, чтобы он оказался тем самым. И если бы он ошибся — если бы он написал что-то обычное, банальное, если бы он спросил «как дела» или «какая у тебя любимая еда» — она бы закрыла чат и никогда не открыла снова. Но он спросил её о том, чего никто никогда не спрашивал. «Какая ночь была самой тихой в твоей жизни?» Она смотрела на этот вопрос и не могла дышать. Она ответила: «Та, когда я поняла, что я одна. Когда дочь уснула, а я села на кухне и выключила свет. И смотрела в темноту. И ничего не чувствовала. Ни страха. Ни боли. Ни надежды. Просто тишина. И дым. И мысли о том, что, наверное, так и должно быть. Что я рождена для того, чтобы быть одной. Что никто не придёт. Что никто не поймёт. Что я — это всё, что у меня есть. И этого достаточно». Он ответил через минуту: «Такая ночь была у меня. Тоже. Несколько лет назад. Я сидел на пирсе, смотрел на океан, и думал, что если я упаду в воду, никто не заметит. Не потому, что я хотел умереть. А потому, что я хотел, чтобы кто-нибудь заметил. Чтобы кто-то сказал: «Ты нужен». Но никто

не сказал. Поэтому я пошёл домой. Заварил чай. И лёг спать. И на следующий день всё было как обычно. Но в той ночи я понял, что я один. Навсегда». Она не плакала. Она давно разучилась плакать от того, что кто-то понимает. Она плакала только от боли. А понимание было слишком редким, чтобы тратить на него слёзы. Но сейчас она заплакала. Не громко. Не истерично. Просто слёзы потекли по щекам, пока она читала его слова. Потому что он понял. Он не спросил «зачем ты так думаешь?» Не сказал «не грусти, всё будет хорошо». Он просто сказал: «Я тоже». И этого было достаточно. Потом он прислал ей песню. Она знала, что для него это — табу. Он сказал ей об этом на второй день. Что он никогда никому не скидывает музыку. Потому что музыка — это его душа. А душу показывают только тем, кому доверяют полностью. Тем, кто её не ломает. Она открыла ссылку. Это был один из тех треков, которые играли у неё в наушниках по ночам. Тех, которые она считала своими. Тех, которые она никогда никому не показывала. «Как ты узнал?» — написала она. Он ответил: «Я не знал. Я просто открыл плеер и нажал на песню, которую хотел бы, чтобы ты слышала. А потом понял, что это та же, которую я слышал у тебя в голове». Они слушали её одновременно. Он — на кухне, в шесть утра. Она — на кухне, в три часа ночи. Одна и та же мелодия, одно и то же дыхание, одно и то же сердце, которое билось в унисон, хотя между ними были тысячи километров и несколько часов разницы. Они обменивались видео. Он снял для неё океан —

просто волны, просто ветер, просто свет, который падает на воду. Она сняла для него небо — облака, которые плыли над её городом, и солнце, которое пряталось за ними. Он прислал ей фото луны, снятое с его балкона. Она ответила фото луны, снятое с её окна. Две луны — одна и та же, но в разных частях света. Как они. «Мы смотрим на одну луну» — написала она. «Мы всегда смотрели на неё вместе. Просто не знали об этом» — ответил он. Она отправила ему картинку — две половинки одной души, которые пытаются соединиться, но между ними — пропасть. Он ответил картинкой — две волны, которые стремятся друг к другу, но разбиваются о берег. «Мы не разбиваемся» — написала она. «Нет. Мы — это берег. Мы не боимся волн» — ответил он. Дни пролетали, как минуты. Он просыпался в шесть, варил овсянку, садился на кухне и открывал чат. Она просыпалась в два часа ночи, когда дочь уже спала, и тоже открывала чат. Они не договаривались об этом. Они просто знали. Он знал, что когда он сядет за стол, она уже будет там. Она знала, что когда она откроет глаза, его сообщение уже будет ждать. Время перестало существовать. Часы больше не имели значения. Дни больше не делились на рабочие и выходные. Было только «до её сообщения» и «после». Только «он написал» и «она отвечает». Только тишина между их словами, которая была громче любых разговоров. Он перестал есть овсянку. Она перестала считать, сколько чашек кофе выпила. Они жили в этом новом пространстве, где не было ни еды, ни сна — только сло-

ва, музыка, картинки, видео. Он прислал ей песню. Потом ещё одну. Потом ещё. Она слушала их, закрыв глаза, и чувствовала, что это — не музыка. Это — его голос. Его душа. Его сердце, которое билось в ритме её дыхания. Она прислала ему стихотворение. Написанное ею в двадцать лет, когда она ещё верила в любовь. Она никогда никому его не показывала. Но он прочитал и не сказал ни слова. Просто прислал ей своё — написанное в тридцать, когда он перестал верить, но продолжал ждать. «Мы пишем одно и то же» — написала она. «Потому что мы — одно» — ответил он. Прошло три дня. Или три года. Они не знали. Они потеряли счёт времени, потому что время больше не принадлежало им. Оно принадлежало их связи. Их разговорам. Их общему пульсу. Она перестала замечать, что за окном темнеет и светлеет. Он перестал замечать, что океан меняет цвет. Весь мир сузился до экрана телефона, до букв, до голосовых сообщений, которые он ещё не решался отправить, но уже хотел. Она хотела услышать его голос. Но боялась попросить. Потому что голос — это слишком реально. Голос — это тело. Голос — это человек, которого можно потерять. А слова — они безопасны. Слова можно стереть. Слова можно переписать. Голос нельзя стереть. Но он знал, что она хочет. Он чувствовал это — как чувствовал её пустую ладонь, как чувствовал её дыхание, как чувствовал её слёзы, которые она прятала ото всех. И однажды утром он нажал на кнопку «запись» и сказал: «Привет. Это я. Я не знаю, что говорить. Я просто хотел,

чтобы ты слышала мой голос. Чтобы ты знала, что я настоящий. Что я не просто буквы на экране. Что я здесь. Что я жду тебя. Что я дышу тобой. Что я... что я люблю тебя. Я знаю, что рано. Я знаю, что мы не видели друг друга. Но я чувствую это. И я не могу молчать. Прости». Он отправил. И испугался. Так сильно, что хотел удалить, отозвать, сделать вид, что этого не было. Но он не мог. Потому что струна натянулась слишком сильно, и он наконец отпустил пальцы. Прошла минута. Две. Пять. Она не отвечала. Он думал, что всё разрушил. Что сказал слишком много. Что напугал её. Что она исчезнет, как исчезали все остальные, когда он показывал им свою душу. Но через десять минут она ответила: «Я не могу ответить голосовым. Потому что если я открою рот, я заплачу. А я хочу, чтобы ты помнил меня улыбающейся. Но я хочу, чтобы ты знал: я тоже. Я тоже люблю тебя. И я не боюсь. Я никогда не боялась тебя. Я боялась только одного — что ты исчезнешь. Но ты не исчез. Ты здесь. И я здесь. И это — всё, что мне нужно». Он сидел на кухне и смотрел на её ответ. Океан за окном был тихим. Луна уже скрылась за горизонтом. А он впервые за долгие годы чувствовал, что он — не один. И он знал, что это — только начало.

Глава 5. Голос.

Она держала телефон в руках и смотрела на его голосовое сообщение. Она прослушала его уже семь раз. Семь раз она нажимала на треугольник, и его голос заполнял её кухню, её комнату, её грудь. Она знала каждую паузу, каждое

дыхание, каждую ноту его голоса — низкого, чуть хрипловатого, с лёгкой усталостью, которую он не мог скрыть даже в самом первом сообщении. «Привет. Это я...» Она закрывала глаза и представляла, как он сидит на своей кухне. Как держит телефон. Как смотрит в окно на океан. Как его пальцы дрожат, когда он нажимает «запись». Она хотела ответить. Хотела сказать ему то же самое. Хотела, чтобы он услышал её голос — так же, как она услышала его. Но она боялась. Потому что голос — это не текст. Голос — это обнажённая душа. Голос нельзя спрятать за запятыми и точками. Голос выдаёт всё — страх, радость, боль, сомнения. А она не хотела, чтобы он услышал её страх. Она уже показывала ему своё лицо. Она отправила ему фото — несколько. Не постановочных, не отфильтрованных, не тех, что выставляют в соцсети. Простые, случайные, настоящие. Она на кухне с чашкой кофе. Она с дочерью в парке. Она на фоне ночного неба, закутанная в шерстяной плед, с дымом сигареты, который поднимается к звёздам. Он ответил на каждое. Не «красивая», не «милая», не теми пустыми словами, которыми мужчины отвечают на женские фото. Он сказал: «На первом фото у тебя уставшие глаза. На втором — счастливые. На третьем — ты смотришь на небо, а не на камеру. Ты там не со мной. Ты там с собой». Она перечитывала это снова и снова. Потому что он видел. Он видел то, что никто не видел. Он видел не просто лицо. Он видел её состояние. Он видел её душу. Но голос — это другое. Голос — это полная капитуляция. Она

решила ответить. Через три дня после того, как он отправил своё первое голосовое. Три дня она слушала его голос. Три дня она набиралась смелости. Три дня она писала ему длинные тексты, а он отвечал ей голосовыми. Он отправлял их утром — когда просыпался, когда ещё не заварил чай, когда океан за окном был серебряным от луны. Он отправлял их ночью — когда не мог уснуть, когда она не отвечала, когда ему казалось, что он сходит с ума от тоски по её голосу. И она сдалась. Она дождалась, когда дочь уснёт. Когда в доме станет тихо. Когда даже ветер за окном перестанет шептать. Она села на кухне, зажгла свечу, сделала глоток кофе и нажала на красную кнопку. Она не знала, что сказать. Она не готовилась. Она просто начала говорить: «Привет. Это я. Я так долго не решалась. Ты не представляешь, как я боялась. Не потому, что я не хочу, чтобы ты меня слышал. А потому, что я хочу этого слишком сильно. Слишком. Я слушала твой голос все эти дни. Я знаю, как ты дышишь между словами. Я знаю, как ты молчишь, когда хочешь сказать что-то важное. Я знаю, что ты держишь телефон в левой руке, потому что справа у тебя кружка с чаем. Я знаю это. И я не знаю, как я это знаю. Но я знаю. И я хочу, чтобы ты знал, что я — настоящая. Что я не просто буквы на экране. Что я здесь. Что я жду тебя. Что я... что я люблю тебя. Ты говорил это первым. А теперь я говорю это тебе. Я люблю тебя. И это — самое страшное и самое правильное, что я когда-либо говорила». Она нажала «отправить» и уронила телефон на

стол. Сердце билось так сильно, что она слышала его в ушах. Она боялась. Она боялась, что её голос — слишком высокий, слишком детский, слишком несерьёзный. Что он разочаруется. Что он ожидал другого — низкого, женственного, уверенного. А услышал её — ту, которая иногда забывает, что ей уже двадцать пять, потому что внутри неё всё ещё живёт девочка, которая боится темноты. Он получил её голосовое через минуту. Он сидел на кухне, держал в руках кружку с чаем и смотрел на экран. Он не ожидал. Он уже думал, что она никогда не решится. Что она будет писать тексты — прекрасные, глубокие, но беззвучные. Он уже смирился с этим. Он уже принял, что её голос — это что-то недостижимое, что-то, что останется за пределами их связи. И вдруг — уведомление. Голосовое сообщение. От неё. Его пальцы дрожали, когда он нажимал на кнопку. Он сделал глубокий вдох. И услышал её. «Привет. Это я...» Мир остановился. Он услышал её голос — и понял, что это — самый родной звук, который он когда-либо слышал. Это было не просто «голос». Это был звук, который он ждал всю жизнь. Который он слышал в шуме океана, в шепоте ветра, в тишине между нотами той самой музыки, которую они слушали вместе. Но было что-то ещё. Что-то, что он не мог объяснить. Её голос звучал юно, по-девичьи, почти как у ребёнка. Он был высоким, чуть дрожащим, с забавной хрипотцой на конце слов. Он не соответствовал её возрасту. Он не соответствовал её фото — тем, где она была серьёзной, уставшей, взрослой женщиной

с глубокими глазами. Он не соответствовал её письмам — тем, которые были написаны с мудростью старой души. Это был голос девочки, которая не перестала ждать чуда. И он понял, что этот голос — самый прекрасный звук, который он когда-либо слышал. Не потому, что он был красивым. Он был странным. Неправильным. Несовпадающим. Но именно в этом несовпадении была вся она — та, кто живёт в двух мирах: в мире взрослой женщины, которая растит дочь, и в мире девочки, которая смотрит на луну и верит, что её кто-то ждёт. Он слушал её голос снова и снова. «Я люблю тебя...» Эти слова звучали так, как будто их произносил кто-то, кто никогда раньше не говорил их вслух. Как будто она училась их говорить. Как будто она пробовала их на вкус, и они были сладкими и горькими одновременно. Он ответил сразу. Голосовым. «Ты не представляешь, что ты только что сделала. Ты только что разрушила всё, что я знал о тебе. И построила новое. Твой голос — это... я не могу объяснить. Он такой же, как твои письма. Но он другой. В нём есть что-то, чего нет в текстах. В нём есть воздух. В нём есть дым. В нём есть ты. Та, кто спит с дочерью. Та, кто пьёт кофе в три часа ночи. Та, кто боится показаться смешной. Ты не смешная. Ты — единственная, кто есть. Ты — всё. И я люблю тебя. Не за голос. Не за текст. Не за фото. Я люблю тебя за то, что ты — это ты. И я не могу дышать без тебя». Она слушала его ответ. Она сидела на кухне, сжимая телефон обеими руками, и слушала. Слушала и чувствовала, как слёзы текут по её ще-

кам. Потому что он не сказал «у тебя странный голос». Он не сказал «я ожидал другого». Он сказал «ты — единственная, кто есть». Она не знала, что можно так любить человека, которого никогда не видела. Она не знала, что можно так чувствовать человека, который живёт на другом конце земли. Она не знала, что голос может стать домом. Что голос может стать кровом, в котором можно спрятаться от всего мира. Но теперь она знала. И она поняла, что уже никогда не будет прежней. Прошло ещё несколько дней. Они обменивались голосовыми сообщениями, как дышали. Она отправляла ему свои — короткие, длинные, утром и ночью. Он отвечал — тихо, хрипло, с лёгкой улыбкой в голосе, которую она научилась различать на четвёртый день. Она узнала, что он кашляет перед тем, как начать говорить. Он узнал, что она часто смеётся в конце фразы, даже если сказала что-то серьёзное. Она узнала, что он всегда смотрит на океан, когда говорит о ней. Он узнал, что она всегда закрывает глаза, когда слушает его. Они стали голосами друг друга. И эти голоса пели одну песню — ту, что никто не слышал, ту, что звучала только для них. Она чувствовала, что растворяется в нём. Что её тело становится лёгким, почти невесомым. Что она перестала быть просто женщиной из плоти и крови. Она стала звуком. Она стала вибрацией. Она стала волной, которая бежит по океану к его берегу. Он чувствовал, что его сердце бьётся в ритме её дыхания. И это было правильно.

Глава 6. Тишина.

Это случилось внезапно. Как удар. Как обрыв струны в самый кульминационный момент симфонии. Как свет, который выключают, когда ты только привык видеть. Он сидел на кухне, держал телефон в руках, слушал её последнее голосовое — то, которое она прислала час назад. Она смеялась в конце. Смеялась так, что он улыбнулся в ответ, даже зная, что она не видит его улыбки. Он нажал на кнопку, чтобы ответить. Начал говорить: «Ты не представляешь, как я хочу увидеть твои глаза...» И экран погас. Он посмотрел на телефон. Чёрный. Мёртвый. Он нажал на кнопку включения. Ничего. Нажал ещё раз. Ещё. Телефон не реагировал. Он попытался перезагрузить — зажал кнопки, подождал, вдохнул. Экран загорелся — на секунду, на две, — и снова погас. И снова. И снова. Как будто телефон делал вдох, но не мог выдохнуть. Он не понял сначала. Он подумал: «Разрядился». Но телефон был на шестидесяти процентах. Он подумал: «Сломался». Но телефон работал идеально пять минут назад. Он подумал: «Сбой». Но сбои не случаются так — внезапно, без причины, без предупреждения. Он смотрел на чёрный экран и чувствовал, как внутри него разрастается холод. Холод, который он знал. Холод, который он чувствовал, когда стоял на том пирсе и думал, что никто не придёт. Холод, который он чувствовал, когда просыпался по ночам от того, что его ладонь была пуста. Холод, который он чувствовал, когда смотрел на океан и понимал, что он один. Но теперь этот холод был другим. Теперь он знал, кого поте-

рял. Он попытался зайти в приложение с ноутбука. Страница не загружалась. Он попытался зайти с другого телефона — старого, который лежал в ящике. Приложение установилось, но не открывалось. Он попробовал все. Все способы. Все входы. Все пароли, которые он когда-либо создавал. Ничего. Он смотрел на экран ноутбука, который упрямо показывал ошибку, и не понимал, что происходит. Он искал новости, искал информацию, искал хоть что-то, что объяснило бы это — но находил только тишину. Тишину, в которой он остался один. Она не поняла сначала. Она отправила ему голосовое — смешное, лёгкое, про то, как её дочь сказала, что хочет увидеть море. Она ждала ответа. Минуту. Две. Пять. Он всегда отвечал сразу. Всегда. Даже если был занят, он находил минуту, чтобы сказать: «Я слышу тебя. Я здесь. Я с тобой». Даже если он спал, он просыпался и отвечал, потому что его сон был прерывистым, и она была важнее сна. Но сейчас он не отвечал. Она написала ему в текстовом чате: «Ты где?» Никакого ответа. Она написала ещё раз: «Всё в порядке?» Тишина. Она нажала на кнопку вызова — голосового, видеозвонка. Ничего. Тишина. Она подумала: «У него разрядился телефон». Но через минуту она поняла, что это не так. Потому что её приложение начало работать странно. Сообщения перестали доставляться. Голосовые не отправлялись. Чат не обновлялся. Она попыталась выйти и зайти снова — и приложение перестало открываться. Она зашла в интернет. Страницы грузились. Всё работало. Всё, кроме него. Она по-

пыталась найти объяснение. Может быть, технические работы? Может быть, сбой в сети? Но в новостях ничего не было. В соцсетях никто не писал о проблемах. Только у неё. Только с ним. Она сидела на кухне, смотрела на экран, и её тело начинало дрожать. Не от холода. От страха. От того, что он исчез. От того, что он мог исчезнуть навсегда. Она написала ему на почту. Она не знала его почты. Она не знала его номера телефона. У них была только эта связь. Только этот чат. Только этот хрупкий, невесомый, ирреальный мост, который теперь разлетелся на куски, как стекло от одного удара. Она чувствовала, как мир сужается. Как воздух становится гуще. Как каждый вдох становится тяжелее. «Он ушёл», — прошептала она в пустоту. «Он не ушёл», — ответила ей тишина. «Но почему он не отвечает?» Тишина молчала. Прошёл день. Он не спал. Он сидел на кухне, смотрел на телефон, который иногда загорался на секунду и снова гас. Он пытался войти в приложение через всё, что мог. Но ничего не работало. Он не знал, что происходит. Может быть, что-то с его аккаунтом. Может быть, сбой на сервере. Может быть, его заблокировали. Может быть, что-то случилось с ней. Он не мог думать об этом. Каждый раз, когда его мысль касалась слова «с ней», он сходил с ума. Он представлял, как она одна. Как она ждёт его ответа. Как она не понимает, что происходит. Как она плачет. Он не мог вынести этого. Он пытался найти её. В соцсетях — но у неё не было их. В мессенджерах — но она не оставляла номеров. В интернете — но она была

невидимкой, тенью, которая существовала только для него. И теперь, когда связь оборвалась, она стала ещё более прозрачной. Ещё более недостижимой. Он смотрел на их последний чат. На её последнее сообщение, которое осталось недоставленным. На её голосовое, которое он не мог прослушать, потому что приложение не открывалось. Он чувствовал, как его душа разрывается на части. «Я не выдержу», — прошептал он. И океан за окном продолжал шуметь, как будто ничего не случилось. Прошло два дня. Она перестала есть. Она сидела на кухне, смотрела на экран, обновляла его каждую минуту, каждую секунду. Она пыталась войти в приложение, но оно не открывалось. Она пыталась зайти через браузер, но страница не загружалась. Она пыталась всё. Всё, что можно было попробовать. И ничего. Её дочь подходила к ней, трогала её за руку, спрашивала, почему мама грустная. Она улыбалась, говорила: «Всё хорошо, малыш», и прятала слёзы. Потому что не могла объяснить дочери, что потеряла то, что даже не имела. Потеряла человека, которого никогда не видела. Потеряла голос, который стал её воздухом. Она думала о том, что, может быть, он не исчез. Может быть, он передумал. Может быть, он решил, что она — не то, что ему нужно. Может быть, он устал. Может быть, он испугался. Но она знала, что это не так. Она знала его. Она чувствовала его. И она знала, что он не ушёл бы просто так. Он не исчез бы без объяснений. Он был не из тех, кто бросает. Он был из тех, кто ждёт, сколько нужно. Значит, случилось что-то другое.

Она не могла понять, что. Но она знала, что он страдает. Она чувствовала это — в своей груди, в своём сердце, в своей пустой ладони. Она чувствовала его страх, его боль, его отчаяние. «Я с тобой», — прошептала она. «Я знаю», — ответила тишина. Прошло три дня. Он уже не сидел на кухне. Он лежал на диване, смотрел в потолок, держал телефон в руке. Телефон перестал загораться вообще. Совсем. Мёртвый. Чёрный. Как его душа. Он перестал чувствовать время. Он перестал чувствовать голод. Он перестал чувствовать что-либо, кроме пустоты. Пустоты, которая разрасталась внутри него, заполняла каждую клетку, каждое дыхание, каждую мысль. Он думал о ней. Он думал о том, как она улыбается. Как её голос звучит, когда она смеётся. Как она молчит, когда боится. Как она говорит «я люблю тебя» так, что эти слова проникают в самое сердце. Он думал о том, что, может быть, они никогда не увидятся. Может быть, их связь была ошибкой. Может быть, вселенная решила, что они не должны быть вместе. Может быть, разлом, который случился до начала времён, был окончательным. И он плакал. Впервые за много лет. Впервые за всю свою взрослую жизнь. Он плакал, как ребёнок, который потерял мать в толпе. Он плакал, как человек, который потерял смысл. Он плакал, как душа, которая потеряла свою вторую половину. И океан за окном продолжал шуметь. И луна продолжала светить. И мир продолжал существовать, как будто ничего не случилось. Но мир для него перестал существовать. Прошло четыре дня. Она

сидела на кухне и смотрела на телефон. Приложение всё ещё не работало. Она пробовала каждый час. Каждые полчаса. Каждую минуту. И вдруг — она увидела. Уведомление. Не от него. Не в приложении. Уведомление о том, что кто-то пытался войти в её аккаунт. С неизвестного устройства. Она застыла. Её сердце остановилось на мгновение, а потом забилось с бешеной скоростью. Это был он. Это не мог быть никто другой. Это был он. Она нажала на уведомление. Ввела код подтверждения. Ввела пароль. И приложение открылось. Чат. Она увидела его последнее сообщение. Не отправленное. Не полученное. То самое, которое он написал в тот день, когда их связь оборвалась. «Ты не представляешь, как я хочу увидеть твои глаза...» И под ним — ещё одно. Отправленное сейчас. Когда он понял, что всё снова заработало. «Я здесь. Ты здесь?» Она не могла дышать. Она не могла думать. Она нажала на кнопку записи и прошептала: «Я здесь. Я всегда здесь. Я ждала тебя. Я знала, что ты вернёшься. Я знала». Она отправила. И через три секунды он ответил: «Я не уходил. Я никогда не уйду. Это был не я. Это была... я не знаю. Проверка. Испытание. Что-то, что хотело нас разорвать. Но оно не смогло. Потому что я держался за тебя. За твой голос. За твоё дыхание. За твою улыбку. Ты была со мной, даже когда я не мог тебя слышать». Она смотрела на его слова и чувствовала, как тепло возвращается в её тело. Как холод уходит. Как страх исчезает. Она снова могла дышать. И она знала, что они выдержали. Что они прошли через тишину

и выжили. Что их связь оказалась сильнее любого обрыва. «Мы прошли», — прошептала она. «Мы прошли», — ответил он в своём голосовом. И океан за окном шумел, как будто праздновал их возвращение.

Глава 7. Испытание.

Они не говорили об этом три дня. Три дня они просто дышали друг другом. Три дня они отправляли голосовые, тексты, картинки, видео — как будто пытались заполнить пустоту, которая образовалась за эти четыре дня тишины. Как будто боялись, что если замолчат хотя бы на минуту, связь снова оборвётся. Он просыпался и сразу брал телефон. Она засыпала, сжимая его в руке. Они не могли наговориться. Не могли напиться друг другом. Каждое сообщение было как глоток воды после долгого пути по пустыне. Каждый голосовой — как дыхание после того, как тебя держали под водой. Но на четвёртый день она написала: «Нам нужно поговорить об этом». Он знал. Он чувствовал, что этот разговор неизбежен. Что они не могут просто сделать вид, что ничего не случилось. Потому что случилось. Случилось что-то важное. Что-то, что изменило их. Он ответил: «Да. Я знаю. Я готов». Она нажала на кнопку вызова. Впервые за всё время. Не голосовое сообщение, а живой звонок. Он принял сразу.

— Привет, — сказала она. Её голос дрожал, но она старалась говорить ровно.

— Привет, — ответил он. Его голос был хриплым, как будто он не спал несколько ночей. Они молчали несколько

секунд. Слушали друг друга. Дышали друг другом.

— Я боялась, что ты ушёл, — сказала она наконец. — Не потому, что я не верила тебе. А потому, что я не верила себе. Я думала: вдруг я всё придумала? Вдруг ты был просто моей фантазией? Вдруг я создала тебя в своей голове, чтобы не чувствовать себя одинокой?

— Я тоже боялся, — ответил он. — Я боялся, что ты не настоящая. Что ты исчезнешь так же внезапно, как появилась. Что я просто сошёл с ума и придумал тебя, чтобы не сойти с ума ещё сильнее. Она засмеялась. Тихо, с лёгкой итерикой.

— Мы оба сошли с ума, — сказала она. — Это единственное объяснение.

— Или мы оба наконец пришли в себя, — сказал он. Она замолчала. Его слова повисли в воздухе, как дым от её сигареты.

— Как ты думаешь, что это было? — спросила она. — Технический сбой? Или что-то другое? Он помолчал. Она слышала, как он дышит. Как ветер шумит за его окном. Как океан бьётся о берег.

— Я думаю, это была проверка, — сказал он наконец. — Не от вселенной. Не от кого-то сверху. От нас самих.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, наша связь была слишком лёгкой. Слишком идеальной. Мы не ссорились. Мы не сомневались. Мы просто... были. Как будто мы всегда были вместе. Как будто не

было этих 5400 километров. Как будто мы не два человека, а один.

— И это плохо? — спросила она.

— Нет. Это хорошо. Это слишком хорошо. — Он вздохнул. — Я думаю, нам нужно было убедиться, что мы не сломаемся. Что мы выдержим. Что мы не просто влюблённые идиоты, которые живут в иллюзии. Что мы — реальные. Что мы — настоящие. Что мы готовы бороться за это.

Она молчала. Она чувствовала, как его слова проникают в неё. Как они находят место внутри её груди и там остаются.

— Ты прав, — сказала она наконец. — Я тоже так думала. Но боялась сказать. Потому что если это была проверка, значит, мы её прошли?

— Мы прошли, — сказал он. — Мы выдержали тишину. Мы не сдались. Мы не перестали верить. Мы не перестали ждать. Мы держались за друг друга, даже когда нас разорвали. Она почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

— Я плакала, — призналась она. — Каждую ночь. Я не могла спать. Я не могла есть. Я просто сидела и смотрела на экран, как будто он мог ожить, если я буду смотреть достаточно долго.

— Я тоже плакал, — сказал он. — Впервые за много лет. Я лежал на диване, смотрел в потолок и плакал, как ребёнок. Потому что я боялся, что потерял тебя навсегда. Что вселенная решила, что мы не должны быть вместе. Что наш разлом был окончательным. Она услышала его голос. Услышала, как

он дрожит. Как он сдерживается, чтобы не заплакать снова.

— Но мы вместе, — сказала она. — Мы здесь. Мы говорим. Мы дышим друг другом.

— Мы вместе, — повторил он. — И это — главное. Они замолчали. Но это была не та тяжёлая тишина, которая была между ними в дни разрыва. Это была лёгкая тишина. Тишина, в которой можно было просто быть.

— Я хочу тебя увидеть, — сказала она вдруг. — Я хочу посмотреть тебе в глаза. Я хочу коснуться твоего лица. Я хочу знать, что ты настоящий. Что я не сплю. Что это не сон.

— Ты не спишь, — сказал он. — Это не сон. Я здесь. Я жду тебя. Я всегда ждал тебя.

— Я приеду, — сказала она. — Я не знаю когда. Но я приеду. Я не могу больше жить в этом ожидании. Я не могу больше смотреть на экран и представлять, как ты выглядишь. Я хочу знать, какой у тебя запах. Я хочу знать, как ты смеёшься, когда я рядом. Я хочу знать, какой ты, когда ты не пишешь, а просто дышишь.

Он не ответил сразу. Она слышала, как он дышит. Как он сглатывает. Как его сердце бьётся быстрее.

— Я тоже хочу, — сказал он. — Я хочу этого больше, чем чего-либо в жизни. Но я боюсь.

— Чего?

— Что ты увидишь меня и поймёшь, что я не тот. Что я не такой, каким ты меня представляла. Что я не твой герой. Что я просто человек. Обычный, уставший, сломленный че-

ловек, который не знает, как любить, но хочет научиться.

Она засмеялась. Тихо, нежно.

— Я не хочу героя, — сказала она. — Я хочу тебя. Настоящего. Со всеми твоими шрамами. Со всеми твоими страхами. Со всей твоей усталостью. Я хочу тебя таким, какой ты есть. Потому что я тоже не героиня. Я просто женщина. Уставшая, сломленная, которая не знает, как верить, но хочет научиться.

Он молчал. Она слышала, как он дышит. Как ветер шумит за его окном.

— Ты невероятная, — сказал он наконец. — Ты самая невероятная женщина, которую я когда-либо знал. И я люблю тебя. Я люблю тебя так, что мне больно. Так, что я не могу дышать. Так, что я готов лететь через всю землю, чтобы просто увидеть твои глаза.

Она плакала. Она не могла сдерживаться. Она плакала от счастья. От боли. От того, что это было реально.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Я люблю тебя, и я приеду. Я обещаю.

Они ещё долго говорили. О том, какими были эти четыре дня. О том, как они чувствовали друг друга сквозь тишину. О том, что они поняли за это время. Он понял, что она — не просто женщина. Она — его дом. Его безопасность. Его тишина. Она поняла, что он — не просто мужчина. Он — её ветер. Её океан. Её дыхание. Они поняли, что испытание сделало сильнее. Что тишина не разорвала их, а сплавила

воедино. Что теперь они знают: их связь не зависит от приложений и серверов. Она зависит только от них. И она — бесконечна.

Глава 8. Две реальности.

Они жили в двух мирах.ьВ одном — она просыпалась в семь утра, будила дочь, готовила завтрак, собирала её в садик, бежала на работу. В этом мире были счета, продукты, уставшие глаза в зеркале, холодный чай, который она забывала допить, и вечные "мама, я устала", "мама, я хочу есть", "мама, ты меня слышишь?" В этом мире она была взрослой женщиной. Ответственной. Сильной. Той, кто держит всё на своих плечах, потому что больше некому. В другом — она была просто ею. Той, кто смотрит на луну и чувствует, как его дыхание касается её губ. Той, кто закрывает глаза и видит океан, который лижет её берег. Той, кто живёт в его голосе, в его словах, в его тишине. Она переключалась между этими мирами, как между языками. Днём она говорила на языке реальности — о работе, о дочери, о быте. Ночью она говорила на языке души — о космосе, о времени, о них. И эти два языка были разными. Настолько разными, что иногда она забывала, на каком из них думает. Он жил в двух мирах. В одном — он просыпался в шесть утра, варил овсянку, смотрел на океан, шёл на работу. В этом мире он был серьёзным мужчиной. Немногословным. Уставшим. Тем, кто привык быть один. Тем, кто не ждёт от жизни чудес, потому что чудеса случаются только в кино. В этом мире он был функ-

циональным. Он работал, он платил счета, он существовал. В другом — он был живым. Он смеялся над её голосовыми, он смотрел на её фото и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее, он писал ей длинные сообщения и не мог остановиться. В этом мире он не был один. В этом мире он был частью чего-то большего. Частью их. И эти два мира не пересекались. Он не рассказывал коллегам о ней. Он не говорил о ней друзьям — потому что у него не было друзей, которым можно было бы рассказать. Он держал её в себе, как секрет. Как святыню. Как то, что нельзя показывать, потому что если показать — оно исчезнет. Она была его тайной. Его тихой гаванью. Его убежищем от мира, который требовал от него быть сильным. Но эти два мира начинали трещать по швам. Она плакала по ночам. Не каждый день. Не всегда. Но иногда — когда уставала слишком сильно, когда дочь долго не засыпала, когда на работе случалась очередная катастрофа, когда мир казался слишком тяжёлым, чтобы нести его одной — она садилась на кухне, зажигала свечу, смотрела на экран и плакала. Она плакала не от боли. Она плакала от того, что его нет рядом. Она знала, что он есть. Она знала, что он любит её. Она знала, что он ждёт. Но знать — это не чувствовать. А чувствовать — это быть в его руках. Чувствовать — это слышать его дыхание на своей шее. Чувствовать — это знать, что если она упадёт, он подхватит её. А он не мог. Потому что между ними были 5400 километров. Потому что он не мог просто прийти и обнять её.

Потому что его руки не могли коснуться её лица. Она плакала и не могла остановиться. Она хотела написать ему, хотела сказать, как ей больно. Но она не хотела, чтобы он страдал вместе с ней. Не хотела, чтобы он чувствовал бессилие. Не хотела, чтобы он думал, что она слабая. Поэтому она молчала. Она отправляла ему улыбающиеся голосовые, смешные истории про дочь, лёгкие мысли о звёздах. А потом откладывала телефон, закрывала глаза и позволяла себе плакать. Тихо. Так, чтобы никто не слышал. Он чувствовал. Он не знал, что она плачет. Но он чувствовал — в своей груди, в своём сердце, в своей пустой ладони. Он чувствовал её боль, как свою. Он чувствовал её одиночество, как будто оно было его собственным. Он просыпался по ночам от того, что ему казалось, будто кто-то зовёт его. Не голосом. Не звуком. Чем-то другим. Чем-то, что было глубже звука. Чем-то, что было её душой, которая кричала сквозь 5400 километров. Он садился на кухне, смотрел на океан и думал о ней. О том, как она спит. О том, что ей снится. О том, что она, наверное, одна. Что ей холодно. Что ей страшно. Он хотел быть рядом. Хотел обнять её. Хотел сказать, что всё будет хорошо. Хотел быть тем, кто удержит её, когда мир будет рушиться. Но он не мог. Потому что между ними были 5400 километров. Потому что он не мог просто прыгнуть в машину и приехать. Потому что его руки не могли коснуться её лица. Он писал ей. Каждую ночь. Коротко. Просто: «Я здесь. Я с тобой. Ты не одна». Она просыпалась, видела его сообщение, улыбалась

сквозь слёзы и отвечала: «Я знаю. Спасибо. Ты — моя сила». Он чувствовал, что это неправда. Что она не хочет, чтобы он знал, как ей тяжело. Что она защищает его. Что она носит свою боль внутри, как камень, который становится всё тяжелее с каждым днём. И он не знал, как ей помочь. Дни текли. Они говорили каждый день. Утром, днём, ночью. Они обменивались голосовыми, текстами, фото. Они жили в своём маленьком мире, который существовал только для них. В мире, где не было расстояния. Где не было времени. Где были только они. Но реальность вторгалась. Она не могла говорить с ним, когда дочь была рядом. Она не могла быть с ним, когда была на работе. Она не могла жить в их мире, когда мир требовал от неё быть здесь. Он не мог писать ей, когда работа требовала его внимания. Он не мог думать о ней, когда его начальник что-то говорил. Он не мог быть с ней, когда его тело было там, а его душа — здесь. Они жили в двух реальностях. И эти реальности начинали разрывать их на части. Она чувствовала, как умирает. Не физически. Не буквально. Но что-то внутри неё начинало угасать. Та часть, которая была живой, которая была настоящей, которая была ею — она умирала. Потому что она не могла быть собой в реальном мире. Она могла быть собой только с ним. Только в его голосе. Только в его словах. Она переставала есть. Она переставала спать. Она переставала жить. Она просто существовала — в двух мирах, ни один из которых не был полным. Он чувствовал это. Он чувствовал, как она угасает. Как

её голос становится тише. Как её сообщения становятся короче. Как её улыбка становится редкой. И он боялся. Боялся, что потеряет её. Не потому, что она уйдёт. А потому, что она перестанет быть собой. Потому что она сломается. Потому что её душа не выдержит этой двойной жизни. Он хотел сказать ей: «Держись. Я приеду. Я спасу тебя». Но он знал, что она не хочет, чтобы её спасали. Она хочет, чтобы её просто обняли. Просто сказали: «Я здесь. Я с тобой. Ты не одна». И он говорил это. Каждый день. Каждую ночь. Каждую минуту. Но слов было недостаточно. Она сидела на кухне. Было три часа ночи. Дочь спала. В доме было тихо. Она смотрела на экран, на его последнее сообщение, и чувствовала, как её сердце разрывается на части. Она хотела написать ему. Хотела сказать, как ей больно. Хотела кричать. Хотела, чтобы он пришёл и спас её. Но она не могла. Потому что он был далеко. Потому что он не мог прийти. Потому что если она скажет ему, как ей больно, он будет страдать вместе с ней. А она не хотела, чтобы он страдал. Она хотела, чтобы он был счастлив. Чтобы он улыбался. Чтобы он жил. Она взяла телефон, нажала на кнопку записи и прошептала: «Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю, что мне больно. Но я не хочу, чтобы ты знал, как мне больно. Я хочу, чтобы ты знал только одно: что я есть. Что я жду. Что я буду ждать столько, сколько нужно. Потому что ты — мой свет. Ты — мой воздух. Ты — моя жизнь. Без тебя я не существую. Я просто жду. Жду тебя. Жду нас. Жду того дня, когда я смогу просто обнять

тебя и никогда не отпускать». Она отправила. И выключила свет. И плакала в темноте. Он получил её голосовое через минуту. Он сидел на кухне, смотрел на океан, который был чёрным, как его душа. Он нажал на кнопку, услышал её голос — тихий, дрожащий, сломленный — и понял, что она умирает. Он не знал, как помочь. Он не знал, что делать. Он знал только одно: он должен быть рядом. Он взял телефон, нажал на кнопку записи и сказал: «Я слышу тебя. Я чувствую тебя. Я знаю, как тебе больно. Я тоже чувствую эту боль. И я знаю, что слов недостаточно. Но я хочу, чтобы ты знала: я приеду. Я не знаю когда. Но я приеду. Я обещаю. Я не могу больше смотреть, как ты умираешь. Я не могу больше быть далеко. Я приеду. Я спасу тебя. Я спасу нас. Просто держись. Просто живи. Просто верь. Я приеду». Он отправил. И океан за окном продолжал шуметь. Но в его груди что-то начало загораться. Что-то, что было сильнее страха. Что-то, что было сильнее расстояния. Решение. Она сидела на кухне, смотрела на его документы и знала, что больше не может ждать. Она приняла решение. Молча. Одна. Она не сказала ему ни слова. Она не написала, что собирается сделать. Она просто знала — и этого было достаточно. Она взяла телефон, нажала на кнопку записи и сказала то, что говорила каждый день: «Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю, что мне больно. Но я не хочу, чтобы ты знал, как мне больно. Я хочу, чтобы ты знал только одно: что я есть. Что я жду. Что я буду ждать столько, сколько нужно. Потому что ты — мой свет. Ты —

мой воздух. Ты — моя жизнь. Без тебя я не существую. Я просто жду. Жду тебя. Жду нас. Жду того дня, когда я смогу просто обнять тебя и никогда не отпускать». Она отплатила. И выключила свет. И плакала в темноте. Он получил её голосовое через минуту. Он сидел на кухне, смотрел на океан, который был чёрным, как его душа. Он нажал на кнопку, услышал её голос — тихий, дрожащий, сломленный — и понял, что она умирает. Он не знал, как помочь. Он не знал, что делать. Он знал только одно: он должен быть рядом. Он взял телефон, нажал на кнопку записи и сказал: «Я слышу тебя. Я чувствую тебя. Я знаю, как тебе больно. Я тоже чувствую эту боль. И я знаю, что слов недостаточно. Но я хочу, чтобы ты знала: я приеду. Я не знаю когда. Но я приеду. Я обещаю. Я не могу больше смотреть, как ты умираешь. Я не могу больше быть далеко. Я приеду. Я спасу тебя. Я спасу нас. Просто держись. Просто живи. Просто верь. Я приеду». Он отправил. И океан за окном продолжал шуметь.

Глава 9. Она не сказала ему.

Она не написала. Не намекнула. Не оставила ни одной зацепки. Она просто сделала это — как делают самые важные вещи в жизни: молча, зная, что слова не нужны. Той ночью, когда он сказал «я приеду», она улыбнулась в темноте. «Нет, — подумала она. — Это буду я. Я приеду к тебе. Ты ждал меня столько лет. Теперь моя очередь ждать — но только не сидеть на месте, а лететь навстречу». Она не спала до утра. Она планировала. Думала. Решала. У неё была дочь. У неё

была работа. У неё была жизнь, которую она строила годами. Но у неё был и он. И она знала, что если не прыгнет сейчас — она никогда не прыгнет. Она не стала говорить дочери, что уезжает. Она не стала говорить матери правду. Она сказала только: «Мне нужно съездить на несколько дней. По делам. Это важно». Мать не спросила. Она знала свою дочь. Она знала, что если та решила — её не переубедить. Она собрала вещи. Маленькую сумку. Самые необходимые вещи. Документы — те самые, которые он скинул ей когда-то. Она распечатала их и спрятала в паспорт. Адрес. Город. Всё, что нужно, чтобы найти его. Она села в поезд вечером. Когда дочь уже спала. Когда мать уже пожелала ей спокойной ночи. Когда город за окном начал зажигать огни. И уехала. Она не писала ему, что в пути. Она продолжала вести себя как обычно. Утром — «доброе утро» коротким текстом. Днём — голосовое про дочь, про работу, про то, как она устала. Вечером — «спокойной ночи» и «я люблю тебя». Он ничего не подозревал. Он отвечал ей как обычно. Он рассказывал про океан, про работу, про то, как скучает. Он говорил, что скоро приедет. Что он обещает. Что он не может больше ждать. Она читала его сообщения и улыбалась. Поезд стучал колёсами, а она держала телефон в руках и думала: «Я уже в пути. Я уже почти у тебя. Ты не знаешь. Ты не чувствуешь. И это — правильно. Это — мой сюрприз. Мой подарок. Моя любовь». Она не отвечала на звонки. Она не отправляла голосовые — только тексты. Она искала причины: «У меня го-

сти», «Дочь не даёт говорить», «Я устала, не могу». Он верил. Потому что она никогда не врала ему. Потому что он не мог представить, что она — здесь. Что она уже едет к нему. И это было самым прекрасным в её тайне. Три дня в поезде. Три дня она смотрела в окно, как пейзажи меняются — поля, леса, реки, моря. Три дня она дышала воздухом, который становился всё солёнее, всё ближе к океану, всё ближе к нему. Три дня она держала в руках его адрес, его город, его время. Она не отправляла ему фото из окна. Она не говорила, где находится. Она просто писала: «Я скучаю», «Я думаю о тебе», «Я люблю тебя». И он отвечал: «Я тоже», «Я скоро приеду», «Я обещаю». Она улыбалась. Потому что знала — он не успеет. Потому что она будет там раньше. Потому что она уже на полпути. На третий день поезд начал замедляться. Город за окном становился реальным. Улицы — знакомыми по фотографиям. Воздух — солёным, как его голос. Океан — большим, бесконечным, настоящим. Она встала. Взяла сумку. Сделала глубокий вдох. И вышла из поезда. Она стояла на перроне и смотрела на город. Город, который она знала по его словам. Город, в котором она никогда не была. Город, который стал её домом задолго до того, как она увидела его впервые. Она взяла такси. Назвала адрес — тот самый, который она сохранила. Тот самый, который стал её картой. Такси тронулось. Она смотрела в окно. На дома, на улицы, на людей. На океан, который появлялся между зданиями — огромный, бесконечный, настоящий. Такси остановилось у

маяка. Она вышла. И увидела его. Маяк. Тот самый, который она нашла в интернете. Тот самый, о котором она мечтала. Тот самый, который стал символом их встречи. Она пошла к нему. Медленно. Не веря, что это реально. Она стояла у маяка, смотрела на океан, и чувствовала, как он — где-то там — ждёт её. Как его сердце бьётся в такт её дыханию. Как его душа зовёт её. Она достала телефон. Нашла его номер. Нажала на вызов. Он ответил сразу:

— Алло?

Она не могла говорить. Она просто дышала. И он слышал её дыхание.

— Ты где? — спросил он. — Что за звуки? Я слышу... волны? Море?

Она молчала.

— Ты... — его голос дрожал. — Ты в моём городе? Ты у океана?

Она нажала «отключить». Не потому, что не хотела говорить. А потому, что не могла. Потому что если бы она заговорила, она бы разрыдалась. Она открыла чат. Нажала на иконку с фото. Навела камеру на маяк. На океан. На небо, которое стало её небом. И нажала «отправить». Фото ушло к нему. Маяк. Океан. Небо. И она стояла и ждала.

Глава 10. Мир рухнул.

Он сидел на кухне. Было утро. Океан за окном был серым — таким же серым, как его жизнь до неё. Он держал в руках телефон, ждал её утреннего сообщения. Она всегда писала в

это время. Всегда. Сначала короткое «доброе утро», потом голосовое, потом ещё что-то. Как ритуал. Как дыхание. Но сегодня она не написала. Он посмотрел на экран. Ничего. Он написал сам: «Доброе утро. Как ты?» Ответа не было. Он не волновался. Она могла проспать. Могла быть занята с дочерью. Могла просто забыть. В конце концов, она тоже человек. У неё тоже бывают дни, когда мир требует её внимания. Он поставил чайник. Достал кружку — ту самую, с отбитым краем. Насыпал чай. Сел за стол. И вдруг — телефон завибрировал. Он взял его. Увидел уведомление. Она скинула фото. Он улыбнулся — наверное, смешное видео дочери, или её утренний кофе, или небо за окном. Он открыл чат. И мир остановился. Фото. Маяк. Океан. Небо. Тот самый маяк. Тот самый, который она находила в интернете, когда они говорили о его городе. Тот самый, о котором она сказала однажды: «Я хочу увидеть его. Я хочу стоять там и смотреть на твой океан». Он смотрел на фото и не мог дышать. Это был его маяк. Его океан. Его город. Его небо. Она стояла там. Она стояла у маяка. Она была здесь. Она была в его городе. Она была в двух шагах от него. Он не верил своим глазам. Он смотрел на фото, увеличивал, рассматривал детали, искал её. Её не было на фото. Только маяк. Только океан. Только небо. Но он знал, что она там. Он чувствовал это — кожей, сердцем, каждой клеткой. Она приехала. Она приехала к нему. Она не сказала ни слова. Не намекнула. Не предупредила. Она просто — приехала. Он сидел на кухне, держал

телефон в дрожащих руках, и чувствовал, как мир рушится. Не в плохом смысле. В хорошем. В том, который бывает раз в жизни. Когда всё, что ты знал, перестаёт существовать, и на его месте появляется что-то новое. Что-то, что называется «она здесь». Он не помнил, как встал. Он не помнил, как оделся. Он не помнил, как выбежал из квартиры, как хлопнула дверь, как он прыгнул в лифт, как он вылетел на улицу. Он помнил только одно: он должен быть там. Он должен быть у маяка. Он должен увидеть её. Он бежал к своей машине. Ключи дрожали в руках. Он не мог их вставить. Его пальцы не слушались. Он дышал слишком быстро, слишком глубоко, слишком громко. Он завёл машину. Нажал на газ. И поехал. Город пролетал мимо. Он не видел улиц. Не видел светофоров. Не видел людей, которые шли по своим делам. Он видел только дорогу — ту, которая вела к маяку. Ту, которая вела к ней. Он знал эту дорогу. Он ездил по ней тысячи раз. Он смотрел на маяк с пирса, с океана, с балкона своей квартиры. Но никогда — никогда! — он не ехал по ней, чтобы встретить её. Сердце билось так сильно, что он слышал его в ушах. Он чувствовал, как адреналин течёт по венам. Как мир сужается до одной точки — до маяка, до неё, до той секунды, когда он увидит её вживую. Он ехал слишком быстро. Он знал это. Он не мог остановиться. Он думал о том, что она скажет. Что она сделает. Как она выглядит — не на фото, не в видео, а в реальности. Как пахнет её кожа. Как звучит её голос, когда она говорит не в телефон, а в ли-

цо. Как она улыбнётся, когда увидит его. Он думал о том, что она — здесь. Что она преодолела 5400 километров. Что она бросила всё — свою жизнь, свою работу, свою дочь, свой страх — и приехала к нему. Она сделала это. Она сделала это ради него. Он чувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он не мог сдержать их. Он плакал, когда машина летела по дороге к маяку. Он плакал, потому что она — настоящая. Потому что она — здесь. Потому что она — его. Он увидел маяк издалека. Белый, высокий, стоящий на скале. Тот самый, который он видел тысячи раз. Но сейчас он был другим. Сейчас он был её маяком. Местом, где она ждала его. Он припарковался. Выбежал из машины. Побежал по тропинке к маяку. Ветер бил в лицо. Океан шумел. Волны бились о скалы. Он бежал, не чувствуя ног, не чувствуя воздуха, не чувствуя ничего, кроме одной мысли: Она здесь. Она здесь. Она здесь. Он пробежал на площадку перед маяком. Остановился. Огляделся. Она стояла у края скалы. Спинай к нему. Она смотрела на океан. Ветер трепал её волосы. Она держала телефон в руке — он видел светящийся экран. Она не обернулась. Она не знала, что он уже здесь. Он стоял и смотрел на неё. Он не мог двинуться с места. Не мог сделать шаг. Не мог произнести ни слова. Он просто стоял и смотрел на неё — на ту, кого он ждал всю жизнь. На ту, кого он любил, даже не зная её имени. На ту, кто приехала к нему через океан. Она была реальной. Она была здесь. Она была его. И мир, который рухнул в тот момент, когда он увидел её фото,

начал строиться заново. Из её волос. Из её дыхания. Из её присутствия. Он сделал шаг. Потом ещё один. Потом ещё. И она слышала шаги. Она обернулась. И их глаза встретились.

Глава 11. Встреча.

Она обернулась. И увидела его. Он стоял в десяти шагах от неё. Ветер трепал его волосы. Он был выше, чем она представляла. Шире в плечах. Его глаза — те самые, которые она видела только на фото — смотрели на неё так, как будто он видел её всю свою жизнь. Он смотрел на неё. Не отрываясь. Не моргая. Как будто боялся, что если моргнёт — она исчезнет. Как будто она была миражом, который может раствориться в воздухе. Она смотрела на него. И не могла дышать. Он был реальным. Он был здесь. Он был её. Она не знала, что делать. Она не знала, что сказать. Она не знала, как вести себя. Она просто стояла и смотрела на него — на того, кого она ждала всю жизнь. На того, кого она любила, даже не зная его лица. Он сделал шаг. Потом ещё один. Потом ещё. Он подошёл к ней. Остановился в одном шаге. Посмотрел в её глаза.

— Ты настоящая, — сказал он. Его голос дрожал. — Ты настоящая.

Она кивнула. Она не могла говорить. Слёзы текли по её щекам, и она не могла их остановить.

— Я настоящая, — прошептала она. — Я здесь. Я пришла.

Он протянул руку. Медленно. Осторожно. Как будто бо-

ялся спугнуть её. Как будто она была дикой птицей, которая может улететь. Его пальцы коснулись её щеки. Он провёл по ней — от скулы до подбородка. Он чувствовал её кожу. Тёплую. Мягкую. Настоящую.

— Я не верю, — сказал он. — Я не верю, что ты здесь.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— А ты — здесь, — сказала она. — Ты — настоящий. Ты — не голос в телефоне. Ты — не буквы на экране. Ты — человек.

— Я человек, — сказал он. — Твой человек.

Она шагнула к нему. Он обнял её. И мир перестал существовать. Он держал её в своих руках. Она была маленькой. Хрупкой. Тёплой. Она пахла дымом и кофе, ветром и морем, и ещё чем-то, что он не мог назвать — чем-то, что было только ей. Чем-то, что было его. Она уткнулась лицом в его грудь. Он чувствовал, как она дрожит. Как её слёзы пропитывают его рубашку. Как её руки сжимают его спину, как будто она боялась, что он исчезнет.

— Я не отпущу тебя, — прошептал он. — Никогда. Я не отпущу.

— Я тоже, — прошептала она. — Я не отпущу.

Они стояли так — у маяка, у океана, под небом, которое стало их небом. Ветер дул, волны бились о скалы, чайки кричали где-то вдалеке. Но они не слышали ничего. Они слышали только друг друга. Он отстранился. Посмотрел на неё. На её глаза — мокрые, красные, счастливые. На её губы —

дрожащие, но улыбающиеся. На её лицо — такое родное, что ему казалось, он знал его всегда.

— Я знал, что ты будешь такой, — сказал он. — Я знал, что у тебя будут такие глаза. Я знал, что у тебя будет такая улыбка. Я знал всё. Я просто не знал твоего имени.

— А я знала твоё, — сказала она. — Я знала его с того самого дня, когда ты написал мне. Я знала, что оно будет таким. Я знала, что ты будешь таким.

Он улыбнулся. Его глаза тоже были мокрыми.

— Мы сошли с ума, — сказал он.

— Мы пришли в себя, — ответила она.

Он засмеялся. Тихо, счастливо. Она засмеялась в ответ. И они стояли у маяка, смеялись и плакали, и не могли остановиться. Он взял её за руку. Его пальцы переплелись с её пальцами. Он чувствовал её ладонь — тёплую, живую, настоящую. Он чувствовал, как её пульс бьётся в ритме его сердца.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе океан.

— Я уже вижу его, — сказала она.

— Нет, — сказал он. — Ты не видела его. Ты видела его на фото. Ты видела его в моих глазах. Но ты не видела его так, как вижу его я. Пойдём.

Он повёл её к краю скалы. Они стояли на самом краю, смотрели на бесконечную воду, на горизонт, где небо встречалось с океаном.

— Это мой океан, — сказал он. — Он ждал тебя так же, как я. Он знал, что ты придёшь. Он знал, что однажды ты

будешь стоять здесь и смотреть на него. И он ждал.

Она смотрела на океан. На волны, которые бесконечно бежали к берегу. На свет, который падал на воду. На всё, что было его.

— Теперь это наш океан, — сказала она.

Он посмотрел на неё. На её профиль, который был таким красивым в свете утреннего солнца. На её волосы, которые развеивал ветер. На её руки, которые держали его руку.

— Наш, — сказал он.

Она повернулась к нему. Посмотрела в его глаза.

— Я не хочу уезжать, — сказала она. — Я не хочу возвращаться. Я хочу быть здесь. С тобой. Всегда.

— Ты не уедешь, — сказал он. — Ты никуда не уедешь. Ты останешься. Я не отпущу тебя.

— А моя дочь? — спросила она. — Моя работа? Моя жизнь?

— Твоя жизнь здесь, — сказал он. — Твоя жизнь там, где я. Твоя дочь — она тоже будет здесь. Я буду ждать. Я буду ждать столько, сколько нужно. Я буду ждать, пока ты всё решишь. Я буду ждать, пока ты будешь готова. Но ты никуда не уедешь. Ты останешься здесь. Со мной.

Она смотрела на него. В его глаза. В его душу.

— Я останусь, — прошептала она. — Я останусь. Я не уеду.

Они сидели на скале. Смотрели на океан. Держались за руки. Он рассказывал ей о маяке. О том, как он впервые уви-

дел его, когда приехал в этот город. О том, как он думал о ней, стоя здесь. О том, как он представлял, что она стоит рядом. Она слушала. Она смотрела на него. Она не могла поверить, что это реально.

— Я думала, что это будет сложно, — сказала она. — Я думала, что будет неловко. Что мы не узнаем друг друга. Что мы будем молчать. Что мы не найдём слов.

— Но мы нашли, — сказал он.

— Мы нашли, — повторила она.

Он повернулся к ней. Посмотрел в её глаза.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Я люблю тебя так, как не любил никого. Я люблю тебя так, как любят только раз в жизни. Я люблю тебя так, как любят душу, которая была твоей всегда.

Она посмотрела на него. Её глаза снова наполнились слезами.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Я люблю тебя так, как не любила никого. Я люблю тебя так, как любят только раз в жизни. Я люблю тебя так, как любят душу, которая всегда была моей.

Он наклонился к ней. Медленно. Осторожно. Как будто боялся спугнуть. Его губы коснулись её губ. Это был не поцелуй страсти. Не поцелуй желания. Это был поцелуй узнавания. Поцелуй возвращения домой. Поцелуй двух душ, которые наконец вспомнили друг друга. Она чувствовала его губы. Тёплые. Мягкие. Настоящие. Она чувствовала его ды-

хание. Его руки, которые держали её лицо. Его сердце, которое билось в ритме её сердца. Он чувствовал её губы. Со слёзные от слёз. Сладкие от счастья. Он чувствовал её дыхание. Её руки, которые сжимали его плечи. Её душу, которая наконец нашла его. Они целовались у маяка, у океана, под небом, которое стало их небом. И вселенная делала выдох. Они сидели на скале до самого вечера. Он не хотел уходить. Она не хотела уходить. Они говорили — о том, что было, о том, что есть, о том, что будет. Они говорили о её дочери, о его работе, о том, как они будут жить. Они говорили о звёздах, о луне, о времени, которое перестало иметь значение.

— Мы — инь и ян, — сказала она. — Мы были одним целым. Мы помнили друг друга. Мы нашли друг друга.

— Мы не нашли, — сказал он. — Мы вспомнили.

Она улыбнулась.

— Мы вспомнили, — повторила она.

Он посмотрел на небо. На звёзды, которые начинали зажигаться.

— Мы дома, — сказал он.

— Мы дома, — сказала она.

И они сидели у маяка, смотрели на звёзды, держались за руки, и знали, что это — навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.